

№ 86

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

МАЙ-ИЮНЬ 1935 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

11-й год издания

МАЙСКИЙ МАНИФЕСТ М.Т.Р.

Против войны — Против фашизма — Против государства.

К рабочим всех стран!

Снова призрак войны витает над порабощенными народами всего мира. Снова всепожирающий империализм и щ е т жертв. Капиталистический мир разделился на два лагеря, борющихся из-за политического и экономического господства над народами. На одной стороне стоят государства с парламентским и демократическим строем со всеми его прогнившими и испорченными учреждениями. Эти государства, несмотря на самые убедительные доказательства негодности парламентаризма, все еще желают продолжать игру в парламент и в парламентские выборы, нужные лишь политиканам. Правительства этих государств поступают так потому, что они видят в парламентаризме наилучшее средство для того, чтобы дурачить городские и сельские рабочие массы и усыплять их тошнотворной ложью о так называемом „народном представительстве" и об „общем интересе" — т. е. о том общем интересе, который всегда совпадает с интересами эксплуататоров.

На другой стороне стоят государства, в которых царят диктатура и фашизм. В них стараются поставить на место частного капитализма и „общего интереса" централизованный государственный капитализм и верховный интерес всемогущего и всеведующего государства.

Девизу одних: „Все для капитала!" противостоит девиз других: „Все для государства!" Но оба эти девиза совпадают в одном: „Все против личности, все против рабочего!"

Рядом с политическим кризисом старого режима, вызванного войной, тянувшейся с 1914 по 1918 год, все еще продолжается и экономический кризис, потрясший все цивилизованные страны, и этот кризис расшатывает уже и без того сильно нарушенное равновесие социальных отношений. Сильная безработица продолжает свирепствовать подобно эпидемии во всем мире. Десятки миллионов мужчин, женщин и детей уже в течение целого ряда лет прозябают в жалком состоянии полуголодного существования и не видят никакого выхода из того жалкого положения, в котором они находятся.

Ни парламентские государства, ни те государства, в которых царят диктатура и фашизм, не изобрели никакого радикального средства против безработицы, несмотря на разные новые социальные формулы и планы „пятилеток" и т. п. Промышленность всего мира попала на какую-то мертвую точку.

Из этого глубокого двойного кризиса — политического и экономического — все политики и сторонники капитализма, повидимому, видят лишь один выход и этот выход — **война.**

Фашистские страны, полные стремления к расширению их сферы влияния и хотящие навязать фашизм всему миру, желают войны не потому только, что она была бы для них орудием распространения их диктаторской тактики, но также и потому, что война создала бы перед взорами

угнетенных и порабощенных народных масс перспективу новых возможностей: колониального расширения и увеличения спроса на труд и, следовательно, пробудила бы в них надежду на то, что им удастся более или менее избавиться от полуголодного существования.

Парламентские государства — т. е. именно те, которые обладают большими колониями — несмотря на обширность своих владений, встречаются с непреодолимыми затруднениями в рамках той системы, которая лежит в основе их социального строя. Эти государства видят в войне способ решения вопроса о безработице. Они надеются преодолеть безработицу при помощи превращения промышленности, расчитанной на нужды мирного времени и сократившейся вследствие кризиса, в промышленность „военную". Изготовление оружия и боевых припасов в огромных количествах и уничтожение в таких же размерах человеческого материала — вот в чем эти государства видят единственное решение вопроса. И это всегда было тем единственным способом решения вопроса о безработице, к которому снова и снова обращались капиталистические страны, чтобы таким образом отвлечь рабочий класс от революционных идей, возникающих в умах рабочих при виде совершенной неспособности политических лидеров и лиц, заведующих частной и государственной капиталистической промышленностью.

Мы знаем, что **фашизм** означает войну.

Мы знаем, что **капитализм** означает войну.

При таком положении дел, которое, к тому же, все яснее и яснее понимается умами и ощущается сердцами рабочих всего мира, всякие иллюзии относительно возможности преодолеть кризис посредством мер, не затрагивающих капиталистический строй, являются опасностью и преступлением. Перед проблемой, создаваемой победою реакции и угрозою войны, все прежние общие требования рабочего класса — требования, которые в прошлом составляли самую суть празднования Первого Мая — в наше время должны, в силу необходимости, отступить на задний план. Никакое повышение заработной платы или сокращение рабочего дня не может в наши дни решить все более и более усложняющуюся проблему **классовой борьбы.** Эта борьба все расширяется и углубляется. Эта борьба теперь ставит перед нами, хотим мы или нет, вопрос о самых основах существующего общественного строя. Волей или неволей мы должны разобраться в той роли, которую играет **государство.**

Классовая борьба, лежавшая также в основе идей, вызвавших празднование международным пролетариатом Первого Мая, все более и более сливается с проблемой, которую можно формулировать так: **революция против реакции.**

В некоторых странах конкретная задача революции, освобождающей народ от реакции, еще предполагает предварительное осуществление некоторых важных требований, в том числе прежде всего требования **шестичасового рабочего дня без понижения уровня заработной платы.** Но в других странах, и прежде всего в Испании, вопрос о революции против фашизма должен будет уже в самом близком будущем ставиться открыто на почве вполне определенной социальной революции.

Но и вообще, где бы то ни было, в Германии или во Франции, в Италии или в Испании, в Голландии или в Америке, всюду, где открыто или в скрытой форме царит фашизм, рабочий класс в наше время может искать решения политических и экономических вопросов в одной только форме: через **социальную революцию.**

Празднование 1-го Мая, вместо того, чтобы, как это было раньше, быть поводом для пред'явления хозяевам ряда паллиативных требований, с нынешнего времени должно стать для всего вообще рабочего класса и в особенности для членов **Международного Товарищества Рабочих** поводом для того, чтобы поднять знамя социальной революции, организующей общественную и экономическую жизнь народов на новых началах.

Борьба наша должна вестись и все наши силы должны быть твердо и дружно направлены против **фашизма** и против **капитализма,** и против **государства,** главными опорами которого являются фашизм и капитализм.

В этой борьбе не должно быть места никакому компромиссу, никаким соглашениям с какими-бы то ни было политическими группировками, опирающимися на государство в борьбе за социальное освобождение.

Рабочий класс всех стран обретет действительный выход из царящего теперь во всем мире экономического и политического кризиса лишь в федералистическом, безгосударственном, **свободническом коммунизме.**

Против фашизма и всякой диктатуры!

Против войны, откуда бы она ни угрожала!

Против государства, в какой бы форме оно ни выступало!

За немедленную организацию социальной революции, как национальной, так и международной!

За свободнический коммунизм!

1-го мая 1935 г.

Международное Товарищество Рабочих.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Мысль всякого человека, задумывающегося над событиями и явлениями нашей необыкновенной эпохи, вращается неизбежно вокруг двух основных фактов. (Я подчеркиваю, что речь идет не о каких-либо теоретических **рассуждениях,** а именно о констатировании **фактов,** доступном каждому).

Первый факт. — Мы живем в критическую, переходную эпоху. Нынешнее общественное устройство ни в какой мере не соответствует больше экономическим, техническим, социальным, моральным и другим реальностям, до которых добралась эволюция человечества. В результате — все здание теряет равновесие и устойчивость, дает трещины и сдвиги, колеблется **до самых своих оснований,** готовое обрушиться.

Второй факт. — Рано или поздно, пройдя через длинный ряд судорог, потрясений и катастроф, эта бурная эпоха придет неизбежно к своему завершению. Она приведет к **новому** типу общественного устройства, который возникнет на развалинах отжившей системы.

Всякий человек, свидетель и участник этой переходной эпохи, вправе — больше того, обязан — теперь же задать себе вопрос: **каким мог бы быть этот новый общественный строй, призванный заменить нынешнее устройство?**

Без малейшего колебания, я лично отвечаю на этот вопрос так: **новое общество, которое родится в судорогах нынешнего, будет анархическим обществом.** И когда меня спрашивают, чем, по-моему, кончится „все это“ (то-есть, нынешний так-называемый „кризис“), я отвечаю: „Во-первых, это — не „кризис“, а огромная мировая революция; а, во-вторых, закончится она, вне всяких для меня сомнений, построением анархического общества.

Я хочу, чтобы этот ответ был правильно понят. Я прекрасно знаю, что, прежде чем подойти к этому завершению, человеческие общества должны будут изжить всевозможные иные рецепты, решения, выходы и социальные опыты, каждый из которых потребует некоторого времени для того, чтобы его отрицательный эффект обнаружился полностью. Я знаю, что все эти опыты будут далеки, очень далеки от набросков анархического общества и что, напротив, они более, чем когда-либо, будут опираться на принцип власти: сильной власти. Я хочу лишь сказать, что ни один из этих опытов **не закончит** критической эпохи; ни один не ликвидирует „кризис“, не успокоит бурю, не остановит колебаний здания, не задержит разложения, распада, разрушения... Я хочу сказать, что ни один из этих опытов не сможет вернуть нарушенное равновесие между реальностями и постройкой; ни один не приведет к чему-либо устойчивому, приемлемому, „нормальному“. Я хочу сказать, что единственная общественная система, которая сможет **положить конец** критической эпохе, — единственная, которой удастся восстановить равновесие и создать нечто прочное, готовое к дальнейшему здоровому и нормальному развитию, — есть анархическая система.

Каковы же мои доказательства?

В короткой статье я не могу, разумеется, подробно развивать их. Остановлюсь на одном, главном положении. Я считаю, что **ни один тип авторитарного общества не в состоянии будет разрешить те громадные и срочные проблемы — экономические, социальные и иные, проблемы совершенно новые по существу, какие встают перед человечеством нашего времени.** Для своего решения, эти новые проблемы потребуют **нового же типа общества,** притом **нового целиком, во всем его об'еме.** Этот новый тип общественного устройства выявится постепенно, на протяжении ряда лет, по мере выяснения плачевных результатов всяких других опытов.

Напомню одну такую проблему, о которой как-раз много говорят, не делая однако, в большинстве случаев, всех логических выводов из положения.

От самых древних, до-исторических эпох и вплоть до нашего времени, основной материальной базой существования и движения человеческих обществ была **недостаточность, скудость** средств к жизни. **Ограниченность** материальных благ (которая, в свою очередь, была следствием весьма ограниченного овладения силами природы) роковым образом влекла за собой: 1) главенство производственной проблемы над другими экономическими проблемами; 2) необходимость тяжелого и упорного труда для производства благ; 3) захват этих благ одними в ущерб другим и, следовательно, соперничество, конкуренцию, насилие, обман, жестокую борьбу, войны, рабство и эксплоатацию масс, власть человека над человеком и т. д. К нашему времени человек настолько далеко продвинул завоевание сил природы, что он вступает ныне в совершенно новую эпоху — **изобилия** благ и, кроме того, неограниченной возможности увеличивать это изобилие. Тем самым **меняется вся материальная база человеческих обществ.** Последствия этой перемены чрезвычайно существенны: 1) вместо проблемы **производ-**

ства, на первый план выступает проблема **распределения** благ; 2) и количественно, и качественно, человеческий труд теряет свой былой характер; 3) все вытекающие из прежнего положения вещей явления, как-то: захват благ, конкуренция, насилие, войны, эксплоатация масс, власть человека над человеком и т. д., **теряют свою главную raison d' etre.** Нетрудно видеть, что это **совершенно новое положение вещей** ставит — или, вернее, повелительно диктует — **совершенно новые же задачи,** и что только **новое общество,** без захвата, без конкуренции, без насилия, без эксплоатации и без власти человека над человеком — общество не-капиталистическое и невластническое, общество анархическое — сможет приступить к ним **и решить их.**

Но почему же, в таком случае, человечество, вместо того, чтобы эволюционировать в этом новом направлении, идет сейчас скорее в противоположную сторону, а именно в направлении **к небывалым эксцессам** захвата, насилия, эксплоатации и, в особенности, **власти** (фашизм и большевизм, со всеми их проявлениями)?

Попытаюсь в немногих словах об'яснить это **кажущееся** противоречие.

Для того, чтобы новое общество могло быть построено, почва должна быть предварительно полностью расчищена и освобождена от всех следов прошлого, от всех предрассудков пережитых эпох. Необходимость власти, правительства, государства с правящей „элитой" есть один из этих предрассудков, притом немаловажный. Каким путем широкие человеческие массы **(которые призваны будут строить новое общество)** смогут освободиться от этого заблуждения и от всяких других ложных представлений? Быть-может, для этого достаточно будет нашей пропаганды? Разумеется, нет. Одна пропаганда бессильна встряхнуть, разбудить, перевоспитать миллионы людей. **Широкие человеческие массы смогут понять правду лишь на непосредственном историческом опыте, — опыте осязательном, наглядном, продолжительном по времени и крупном по масштабу.** Именно такой опыт развертывается сейчас в мире. Мощная информационная техника и общий характер нашей эпохи позволят массам переживать этот опыт, следить за ним, судить о нем изо дня в день. Исторически, события развертываются следующим образом. С одной стороны, буржуазная демократия, со своими принципами, правами и законами конкуренции и прибыли, оказывается все более и более бессильной разрешить проблемы эпохи. Это бессилие толкает массы к решениям диктаторского типа, как к последней надежде. Одна часть масс все более и более увлекается „диктатурой пролетариата"; другая соблазняется фашистской диктатурой. С другой стороны, привилегированные классы, стремящиеся, „рассудку вопреки, наперекор стихиям", сохранить прошлое, не останавливаясь ни перед какими средствами, тоже — и именно они все более и более обращаются к фашизму, как к последнему средству спасения. Всеобщая путаница понятий, безобразная тактика левых политических партий, диктаторские иллюзии масс — вся эта обстановка цинично и демагогически используется привилегированными классами, добивающимися своей цели. Там, где им удается ее достичь, водворяется фашизм.

Само собой разумеется, ни диктатура вообще, ни „диктатура пролетариата", ни, наконец, диктатура фашистская не смогут ликвидировать „кризис", так-как ни одна, ни другая, ни третья не смогут разрешить неумолимые проблемы эпохи. Тогда, по мере обнаружения бессилия всех этих диктатур, как и авторитарной демократии, **массы потеряют веру во всякую власть, откуда бы она ни исходила.** Тогда будет сдан в архив истории **самый принцип власти.** И только тогда почва будет окончательно очищена от одного из самых крупных препятствий.

Фашизм, большевизм и всякие иные государственные и авторитарные опыты суть лишь **конвульсии:** исторически мимолетные судороги глубоко больного, парализованного общественного организма, делающего отчаянные и беспорядочные движения в поисках выздоровления. Но чтобы выздороветь, необходимо, прежде всего, **разрешить экономическую и социальную проблему.** И так-как никакими конвульсиями этих проблем не решить, то придется, в конце концов, неизбежно прибегнуть к хирургической операции. Такой операцией будет революция. И подлинным выздоровлением будет совершенно новое безвластное общество.

Несколько слов о некоторых частных случаях. Есть три крупных страны (Англия, Франция и Соед. Штаты), где фашизм не имеет той силы, какую он приобрел в ряде других государств. Дело в том, что, в силу многих причин, экономическое и социальное status quo в названных странах оказывает фашизму (и большевизму) сравнительно, стойкое сопротивление. В конце концов, и эти страны будут, разумеется, вовлечены в процесс всеобщего разрушения и вынуждены искать решительного выхода. Возможно (хотя шансы на это не очень-то велики), что названные страны найдут этот выход, избежав судорог фашизма и большевизма. Такая перспектива возможна в том случае, если тяжелый опыт других стран во-время послужит

достаточным уроком для трудящихся масс Англии, Франции и Соед. Штатов, остающихся, в ожидании решительных событий, как-бы несколько в стороне от классического процесса фашизации и большевизации.

Волин.

P. S. — Я сознательно умолчал о **нашей роли и деятельности** в развертывающихся событиях, так-как эта проблема выходит за пределы данной темы. Мы можем поговорить о ней в другой раз.

В.

СТРАШНЫЕ ЛЮДИ

Во время лекционного тура мне пришлось побывать во многих городах, встретиться с людьми самых различных политических убеждений и взглядов, которые возражали мне, стараясь защитить свои убеждения. Они спокойно выслушивали мою критику, часто очень резкую, мои доводы и мои выводы, а потом брали слово и возражали культурным языком, противопоставляя моим фактам свои факты, моим выводам свои выводы. Это люди культурные в том смысле, что они умеют уважать свободу и мнение другого и требуют, конечно, такого же отношения к своей свободе и к своим убеждениям. Они признают за каждым человеком право на заблуждение и вследствии этого требуют политической свободы и политических прав для всех без исключения. Эти люди превосходно понимают, что не вся истина у них в кармане, что полная истина рождается из столкновения мнений, из критики, свободной культурной критики.

Но мне пришлось столкнуться и с другой породой людей, которых раньше все мы называли реакционерами, которых теперь почему-то называют коммунистами. Это, как я их называю, страшные люди, атавистический продукт средневековой католической реакции и эпохи рабства, крепостничества и политического абсолютизма: атавистическая отрыжка истории; они страшны не своей внешностью, не своим уродством, а своим нравственным безобразием, своей социально-политической отсталостью и некультурностью, своей сектанской грубостью и жестокостью — это продукт темного царства, которое так заботливо охраняется от лучей света всеми партиями Коминтерна, а русской компартией в особенности. Нет ничего удивительного в том, что из всех этих „добрых“ свойств слагается моральное и социально-политическое чудовище, именуемое коммунистом, большевиком, которое, придя в действие, проявляет себя срывателем рабочих митингов, революционных лекций, докладов и выявляет свой внутренний, духовный мир в отборной площадной ругани по адресу своего противника.

В чем проявляется хулиганство вообще? В неуважении к человеческой личности, в глумлении над ней, над всеми ее правами и убеждениями, в грубости, в дебоширстве. Хулиган — это морально опустошенная личность, руководящаяся доисторическими животными инстинктами, зверинами инстинктами. Таких вот „людей“ воспитывает в русской колонии русская компартия со своей газетой „Новый Мир“. Ничего, поэтому, нет удивительного в том, что мне пришлось встретить таких людей, которые называют себя коммунистами, а на самом деле им место в проклятой памяти черносотенном Союзе Русского Народа Пуришкевича и Крушевана. Если серьезно подумаешь, то становится понятно, почему среди современных большевиков так много этих страшных людей, этих моральных чудовищ.

В самом деле, что, кроме морального чудовища, может выдти из реакционной Ленино-Сталинской школы, воспитывающей в духе магометанской исключительности и иезуитской неразборчивости в средствах, в духе готтентотской морали и прусской казармы?

Только нравственное чудовище, кричащее: „нет бога, кроме Ленина и Сталина пророка его“.

Только нравственное чудовище, руководящееся в личной и общественной жизни девизом Лайолы: „цель оправдывает средства“. Поэтому ложь, клевета, обман, эксплоатация темноты и невежества, игра на низменных инстинктах человеческой природы — хорошие, похвальные поступки, если они ведут к цели.

Только моральное чудовище, признающее хорошим то, что для него хорошо, т. е. цивилизованный дикарь с нравственным уровнем готтентота: „если я украл жену у тебя — хорошо, если ты у меня — плохо“. Только нравственное чудовище, солдат-автомат Фридриха Великого, неспособный думать и мыслить и неимеющий права на это, так как за него думали Маркс и Ленин, а теперь это делает Сталин.

Из всего этого слагается большевистская „правда“: правда моральная, правда социальная, правда политическая и правда духовная, т. е., как говорил Михайловский, „правда-истина“ и „правда справедливость“. Поэтому, все, что противоречит этой „правде-истине“, открытой Лениным, и „правде-справедливости“, практикуемой Сталиным — от лукавого и с ним нужно

бороться всеми средствами в полном соответствии с вышеуказанными четырьмя основными пунктами Ленино-Сталинской школы.

И большевики борятся, борятся во всех странах одними и теми же методами, одними теми же средствами против... свободы и равенства, против прогресса. Эта борьба создала из них, как в свое время из иезуитов, интернациональный тип, одинаковый во всех странах, похожий друг на друга, как две капли воды, независимо от национальности и культурного уровня: все фанатики, все иезуиты, все готтентоты, все солдаты автоматы. Действительно, это — факт: нет существенной разницы, например, между темным русским рабочим-„коммунистом" из Бриджпорта, редактором „Нового Мира" и студентами-„коммунистами" висканзинского университета.

Бриджпортский рабочий из РНОВа вместе со своей ватагой поднимали шум и употребляли площадный язык при всяком упоминании мною слов свобода, равенство, самодеятельность рабочего класса и т. п.

— „Свобода!" Ишь чего захотел... Свободы. Кому свобода? Буржуям, кулакам, лентяям. Знаем мы вас, фашистов!..

— „Равенство!" Генералов хочешь уровнять, что-ль? Не надо нам твое-равенства, перестань врать...

— „Самодеятельность рабочего класса!" Ишь какую песенку поет: самодеятельности для шкурников хочет... Белогвардеец!...

— Довольно, довольно!... Не хотим больше слушать... Политически неграмотным людям нельзя проповедовать свободу!.. Долой!..

„Политически-неграмотных" оказалось на лекции слишком много и они хотели слушать как организовать Россию на основе свободы, экономического равенства и самодеятельности рабоче-крестьянских масс, а потому они заставили „политически-грамотных" „рновцев" замолчать. У меня было впечатление, что передо мною буянят члены Союза Русского Народа.

Через полутора месяца один из этих „политически-грамотных" большевиков написал о лекции корреспонденцию, которую „Новый Мир" исправил и напечатал. Это замечательный документ, документ характеризующий моральный уровень большевистской прессы, большевистских корреспондентов, большевистских редакторов, характеризующий большевистские приемы, и методы борьбы с противниками, большевистские методы пропаганды и качество самой пропаганды.

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР.

Вот этот замечательный документ:

„ПОП ВЕНИАМИН И АНАРХИСТ МАКСИМОВ

БРИДЖПОРТ, Конн. — 20 января здесь состоялись два митинга. Утром поп Вениамин освящал старый царский флаг, а по окончании этой контрреволюционной процедуры поп призвал нескольких покорных прихожан жертвовать по 5, 10 и 15 долларов.

В два часа дня в помещении УМСА выступал анархо-фашист Максимов. Прибыли на лекцию из Нью Хейвена, Вотербери и всех их набралось человек 15. Председательствовал Олешкевич. Тема: „Какой была Россия раньше и какой она должна быть сейчас" (Точное название темы: „Какой должна быть Россия". Г. М.) Ответ: Максимов ответил, что Россия должна быть такой, какой она была при царе.

Рабочие Бриджпорта анархо-фашиста Максимова после такого ответа попросили убраться к чертям, отказались слушать контр-революционный бред осколка жандармской России" („Новый Мир", 16 марта, 1935 г.).

Замечательный документ, не правда ли? Редактор „Нового Мира" помещением такой заметки доказывает, что он, его газета и его партия не только потыкают хулиганству, черносотенству, невежеству и лжи, но в этом именно духе воспитывает своих читателей, своих членов и членов контролируемого компартией Русского Народного Общества Взаимопомощи (РНОВ)

Цель оправдывает средства...

Этими же мотивами руководствовались студенты-коммунисты висканзинского университета, когда они решили, показать, во время сенатского расследования о коммунистической пропаганде в университете, на ненавистного им умеренного профессора экономии как на первоисточник коммунистической пропаганды в университете.

Цель оправдывает средства...

В Вотербури новомирский агитатор, Рыдванский, так поучал членов отдела РНОВ-а: „сюда едет с лекциями анархо-фашист Максимов. Если вы чувствуете, что можете сорвать его лекции, идите и срывайте. Если же вы не чувствуете за собой силы, то лучше совсем не ходите на его лекции".

Результаты этого поучения?

На первую лекцию пришло пять учеников Рыдванского, чтобы сорвать ее. Не удалось — публика быстро усадила их и заставила замолчать. На вторую лекцию они застыдились придти, пришел только один, и тот пьяный, который, на обращение председателя спокойно выслушать лекцию, рявкнул:

— „Будет говорить правду, будем слушать, а нет — сорвем!“ Срывать он однако, не мог, так как не мог сопротивляться силе действия алкоголя, погружавшего его, время от времени, в Нирванну.

В Детроите прогрессивная часть русских рабочих, работавшая долгое время с коммунистами, в конце концов, вынуждена была порвать с ними. Для выяснения перед русскими рабочими причин, по которым они отошли от коммунистов, они созвали митинг. Сталинские „молодцы“ мобилизовали весь членский состав Детроитского отдела Америк. Компартии, чтобы митинг сорвать. И они сорвали его. Захватили платформу, выбрали своего председателя, обругали устроителей, вчерашних своих друзей, фашистами, контр-революционерами, белогвардейцами, пригрозили им расправой и распустили митинг.

Однако отколовшаяся группа не испугалась, наоборот, она организовала „Русский Рабочий Клуб гор. Детроита“ с тем, чтобы вести подлинно-прогрессивную работу и разоблачать большевистскую ложь. Они пригласили меня прочитать лекцию на тему: „Что дали большевики русскому народу и последние события в России“. На лекцию пришло около или свыше 500 чел. Вся „Украинская Хата“ была переполнена.

Когда председатель лекции, тов. Зверев, выступил с речью, то два-три десятка коммунистов (весь членский состав детроитского отдела Амер. Компартии) подняли шум и начали кричать по адресу Зверева:

— „Долой, долой!.. Фашист!.. Контрреволюционер!.. Белогвардеец!.. Кто тебя выбрал председателем? Убирайся вон! Почему не выбираете председателя из публики?“

В зале произошла маленькая потасовка с приложением кулаков к разинутым ртам. Появилась полиция. Но так как я отказался читать в присутствии полиции, то она удалилась. Порядок установился и я начал лекцию, которая время от времени прерывалась достойными коммунистов выкриками по моему адресу:

— „Подлец!.. Негодяй!.. Мерзавец!.. Дурак!.. Сумасшедший!..“ и все в таком же роде.

Замечательно революционно, не так-ли?

К концe лекции снова поднялся шум, чуть было не перешедший в побоище. Лекцию я всетаки довел до конца, не взирая на шум. После лекции тов. Зверев предоставил слово итальянцу-коммунисту, речь которого закончилась пением „Интернационала“.

Спрашивается, какое моральное право имеют взрыватели революционных рабочих митингов петь „Интернационал“? Это же самое страшное надругательство над заветными чувствами пролетариата! Коммунисты не имеют морального права на „Интернационал“. Они должны петь „Славься, славься, наш диктатор!“ — или нечто в этом роде. Рабочие должны протестовать против пользования коммунистами „Интернационала“.

Рабочие, протестуйте против этого святотатства!

Не менее характерны для коммунистов вопросы, которые они задавали мне, и их возражения. В этих вопросах и возражениях, как в зеркале, отражается моральный и политический лик большевиков. Этот лик — лик страшных людей, которых убедили, что реакция и хулиганство есть революционность.

Начнем с Кливеланда. Вождем местных коммунистов является г. Лубешко, кажется, адвокат. Послушайте некоторые его возражения.

— „Максимов говорил два часа; если переварить все, что он сказал, то выходит, что вам, рабочим, ненужно интересоваться Россией, ненужно интересоваться рабочим движением — сидите в кабаках, ходите в церковь. Товарищи, вы должны знать, кто призвал сюда Максимова, который советует вам: разрушайте ваши организации! Буржуазия, товарищи, пускает в ход все, в том числе и „Дело Труда“, которое редактирует Максимов. Помните, Гитлер говорил такие же сказки, а когда взял власть, то отнял все свободы“.

Так нагло и бесчестно говорил г. Лубешко в Акроне. Могут ли такие речи привлечь симпатию честных рабочих к большевизму? Конечно, нет. Это акронские рабочие и сказали Лубешко, запротестовав против его „речи“.

А вот Балтимора. Выступает рабочий Ляхов, столп местного отдела РНОВ-а, и заявляет:

— „Анархисты помешались с белыми... Оратору нет места в СССР. Что ему осталось делать? Раз'езжать с лекциями и этим кормиться: давайте, рабочие, и рабочие дают“.

Но самыми интересными возражениями, с точки зрения выяснения реакционного влияния большевизма на умы рабочих, являются возражения Волкова, исключенного с группой из местного отдела РНОВ-а. Он продолжает защищать большевизм с энергией, достойной лучшего приложения, и сам он не плохой человек, между прочим.

— „Чем Максимов отличается от Херста в нападках на 3-й Интернационал? Он ведет такую же фашистскую пропаганду, как и Херст. Говорить о свободе и равенстве для всех людей, это значит — говорить о свободе и равенстве для белогвардейцев, а это означает реставрацию. Максимов кричит о свободе. А о какой свободе

он кричит? Для кого свобода? Детям не дают играться со спичками ... Сперва надо научиться пользоваться свободой, а когда народ научится этому, тогда большевики дадут ему свободу. Говорить же сейчас о свободе это значит — говорить о свободе для фашистов".

Что вы скажете на это, читатель?

В Честере внутреннюю политику России решал человек, имени его не знаю, который с апломбоб утверждал, что „ренегат Каутский был троцкистом". Внутреннеполитическую проблему он решил с Соломоновской простотой:

— „В России нужно очистить воздух, сказал лектор, это верно, но это значит, что надо гнать в шею тех, кто говорит о свободе печати и о свежем воздухе".

Разве это не великолепные плоды коммунистического воспитания!

Филадельфия — центр РНОВ-а. Этому городу коммунисты уделяют большое внимание и не ленятся воспитывать русскую рабочую массу политически. Как же это воспитание проявляется комвоспитанниками? Вот передо мною рабочий Петров, человек несомненно искренний и несомненно честный, очень редкое качество среди коммунистов, слушаю его речь и записываю некоторые основные положения, которые гласят:

— „Полной свободой для человека не можеа быть. Нужно уничтожить свободу другого класса, чтобы иметь свою. Народ нужно сперва научить, а потом говорить ему о свободе. Лектор только прикрывается анархизмом" — посовестился парень, обругать белогвардейцем или фашистом.

Большевизм, как видим, вытравливает чувство свободы и создает убежденных рабов, как и христианство.

Переходим к культурному американскому, и русскому, пожалуй, центру, к Нью Иорку, где русские рабочие массы особенно интенсивно обучаются большевизму, где „Новый Мир" расходится больше, чем в другом каком-либо городе, поэтому вопросы, которые ставились мне на лекциях, я считаю весьма характерными результатами коммунистического воспитания масс.

— „Почему лектор не коснулся осуществления анархизма, который уничтожил не класс, а целую нацию, евреев?"

— „Почему анархисты целуют ноги белогвардейцам? Не для того ли, чтобы вместе ударить по головам рабочих?"

Неподражаемо! Поистине: „Умри, Денис, и больше не пиши!"

Теперь несколько образцов коммунистических возражений.

— „Лектор идет под Черным Знаменем, а ручки-то у него беленькие! Для лектора все нехороши, только капиталисты хороши — сознательный фашист ... Заклятые враги русского народа те, кто за децентрализацию ... Что успели анархисты в Испании? Ввели бой быков ... В Лигу Наций мы вошли потому, что другого выхода нет, потому что все страны там ... Америка признала СССР потому, что она тоже против войны ... Большевики ввели равенство — на деле не пошло, поэтому они теперь правильно делают вознаграждая лучших — лучше: больше сделал — больше получай! Кто трудится, тот имеет то, что заработал, поэтому нечего плакаться за рабочих, как это делает лектор, которые вместо фордовской нормы 65 деталей вырабатывает на советских фабрик 140 деталей".

Какой великолепный материал вырабатывает большевизм для строительства социализма!

В Коннектикут штате спрашивали: „Правда-ли, что Гитлер снабдил анархические группы капиталом?"

В Нью-Гевене коммунист Маслов возражал так:

— „Максимов говорит прекрасные фразы о свободе и экономическом равенстве, но эти фразы ложные, которые прикрывают белогвардейщину". Другой коммунист заявил: „Лектор не пролетарского происхождения, поэтому он так и говорит, а кто так говорит — враг рабочего класса".

Скажите, разве это не страшные люди? Да, эти люди, независимо от того одеты ли они в рабочую блузу или в адвокатский фрак, страшные. Они страшны своей моральной опустошенностью, политической реакционностью. Они страшны для прогресса, для социализма, для свободы, для экономического равенства, а страшны они для всего этого потому, что под видом свободы несут рабство, под видом прогресса — реакцию, под видом социализма — государственное крепостничество, под видом солидарности — вражду, под видом равенства — новые привилегии. Они страшны еще потому, что являясь Брутами для Цезарей, они неизбежно, благодаря внутренней реакционности государственного социализма, становятся Цезарями для свободы, для социализма, для трудящихся масс. Незаметное, постепенное превращение Брута в Цезаря, как показал опыт России, самая страшная вещь.

Прудон был прав, тысячу раз прав, когда крикнул:

„Прочь, коммунисты, ваше присутствие отравляет воздух!"

Г. Максимов.

ПОДГОТОВКА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Крупные американские биржевики-финансисты, промышленники и фабриканты, в чьих руках сосредоточено не менее 80% всех национальных богатств Соедин. Штатов, т. е. финансы, промышленность и все орудия и средства производства: деньги, заводы, фабрики, угольные копи и рудники, железные дороги, электростанции и газовые заводы, крупные поместья и т. д. —одним словом, финансовые тузы и промышленные короли — нефтяные, железные, пшеничные, мясные, автомобильные и прочие, направляющие внутреннюю и внешнюю политику С. Ш., будучи недовольными внутренней политикой Рузвельта, политикой либерального фашизма, стремятся к установлению в С. Ш. настоящей фашистской диктатуры, какая существует ныне в Германии, Италии или в Австрии. Они требуют предоставления им неограниченной свободы действия и монополии, снижения заработной платы и удлинения часов труда для рабочих.

Для осуществления этих ближайших целей американские банкиры, фабриканты и промышленники тратят огромные суммы на психологическую подготовку населения С. Ш. к необходимости усиления компанийских монополий и предоставления им свободы действия. О пропаганде в американских университетах и высших школах говорит официально и федеральная торговая комиссия, обследовавшая деятельность электро-газовых компаний и установившая, что последними было выдано на пропаганду в высших школах больше 1,300,000 дол., которые выдавались университетам в виде субсидий и употреблялись на оплату расходов профессоров по их поездкам на компанийские конвенции и на печатание пропагандистской литературы в защиту интересов электро-газовых компаний. Не довольствуясь одной только пропагандой, американские толстосумы предприняли конкретные шаги к осуществлению диктатуры, что установлено конгрессовой комиссией Дикштейна, расследовавшей антиамериканскую деятельность фашистов, „коммунистов“ и др. течений.

Об установлении в С. Ш. фашистской диктатуры и о подготовке к перевороту открыто заявил комиссии ген. С. Ботлер, которого финансисты Волл-стрита прочили в фашистского диктатора Соед. Штатов. Первые переговоры с ген. Ботлером вел биржевой маклер Мак-Гвайр, член Американского Легиона и правая рука полк. Морфи, директора одного моргановского банка и глава биржевой фирмы. Мак-Гвайр, считавшийся душой фашистского заговора в С. Ш., явившись в 1933 г. в отель к ген. Ботлеру, в Нуарке, предложил ему поехать в Чикаго и произнести речь в защиту золотого обращения, он давал ему за труды 18,000 д. На отказ Ботлера принять деньги Мак-Гвайр возразил: „Не будьте дураком, генерал, берите пример с ген. Харборда и адм. Симса и будьте бизнессменом“. Оскорбленный генерал хотел было выгнать маклера, но для „выяснения плана фашистов“ решил продолжать переговоры.

Затем ген. Ботлера посетил другой биржевик и финансовый воротила — Роберт Кларк, обладающий 50-миллионным состоянием и давший в распоряжение комитета „здоровых денег“ — Мак-Гвайру — свыше 100,000 д., который повторил Ботлеру предложение Мак-Гвайра, как товарищу по экспедиционному корпусу в Китае во время боксерского восстания в 1900 г., сказав, что речь о золотом долларе, которую должен произнести Ботлер, написал Джан Дэйвис — главный юрисконсульт банкирского дома Морганов. После этого Мак-Гвайр и Дойли посетили Ботлера еще пять раз и предложили ему следующий план учреждения фашистской диктатуры.

Считая Ботлера наиболее подходящим быть „генералом на белом коне“ — главой американских фашистов, Волл-стрит давал в распоряжение ген. Ботлера 3,000,000 д. на предварительные расходы по созданию 500,000 армии, преимущественно из ветеранов Американского Легиона, а на осуществление переворота готов был выложить — 300 миллионов долларов. По планам фашистских заговорщиков эта полмиллионная армия должна была собраться через год в Вашингтон и захватить в свои руки весь правительственный аппарат, чтобы поставить правящий Вашингтон и всю страну перед лицом совершившегося факта. При согласии Рузвельта с программой фашистов — последние оставили бы его президентом, как Муссолини оставил короля; вице-президента Гарнера и государственного секретаря Холла заставили бы силой уйти в отставку, а на их место Рузвельт назначил бы ставленников фашистов; если бы Рузвельт воспротивился это сделать, то его тоже заставили бы подать в отставку, и по конституции пост президента перешел бы к государственному секретарю — ставленнику фашистов.

Кроме ген. Ботлера, финансисты наметили в фашистские диктаторы начальника ген. штаба Мак-Артура, руководившего военными действиями при вытеснении „бонусной армии“ из Вашингтона, и быв-

шего командира Американского Легиона — летчика Мак-Найдера. Командир американских ветеранов иностранных войн, Ван-Зандт, подтвердил заявления ген. Ботлера. Комиссия установила, чео Мак-Гвайр имел в своем распоряжении крупные суммы денег, в расходовании которых он не мог дать ответа, что он ездил по „делам“ в Европу, израсходовав на это 8,000 д., и что он являлся связывающим звеном между американскими биржевиками и европейскими фашистами. Комиссия подтвердила также все факты, данные ген. Ботлером и журналистом Френчем, опубликовавшем свои данные в „Нью Иорк Ивнинг Пост“ и „Филаделфия Рекорд“.

Расследованием установлено, что во многих городах С. Ш. имеются фашистские организации гитлеровского толка и Муссолини. Кроме того, существуют под разными именами в различных городах „комитеты граждан“, „ку-клукс-кланы“, „серебрянные рубашки“, „голубые рубашки“, „коричневые рубашки“, „черные рубашки“, „белые рубашки“ и т. д., которым не хватает еще смирительных рубашек.

Установлена также причастность к фашистской пропаганде итальянского консула в Детройте, агентов Гитлера, ввезших тайно в С. Ш. тонны нацистской литературы и старающихся захватить контроль над 20 млн. граждан немецкого происхождения, являющихся в большинстве враждебными Гитлеру. Конгрессовая Комиссия должна была допросить Моргана, генералов Джонсона, Мак-Артура и многих других лиц, указанных ген. Ботлером, но почему-то отчета об их допросе опубликовано не было.

Повидимому, дело о фашистском заговоре слишком разраслось и грозило разоблачением деятельности видных политиков, поэтому его и замяли*). В опубликованном в средине февраля 35 г. докладе, комиссия считает заявление ген. Ботлера о предложении финансистов занять пост командующего фашистской армией в С. Ш. и стать диктатором — вполне доказанным, поэтому она рекомендует ... предоставить министру внутренних дел право депортации иностранцев, ведущих пропаганду, а все призывы к ниспровержению правительства об'явить тягчайшим преступлением, влекущим за собой суровые кары, т. е. Конгресс должен подготовить диктатуру законодательным актом.

Это грозит трудовому населению С. Ш. еще большим экономическим зажимом и стеснением политической свободы. Против этого нового поползновения американских магнатов организованные рабочие и фермерские массы должны восстать самым решительным образом и бороться за полное освобождение из-под ига капитала и власти — за политическое и экономическое равенство в правах и обязанностях, за свободу и безгосударственный коммунизм, которые называются Анархией.

Г...

Германск. соц.=демократы и прусское юнкерство

Злым роком Германии было то, что она подпала под господство такого отсталого, в культурном отношении, полуфеодального, милитаристского государства, как Пруссия, находившаяся всецело под влиянием юнкерства. Прусское юнкерство всегда было главной опорой всякой социальной и политической реакции в Германии. Это юнкерство было грубой, чуждой духовной культуры, отличавшейся мелочным самолюбием кастой, которой не удалось отделаться от запаха конюшни, впитанного ею в прошлом; господствующее положение, занимаемое этой кастой, могло быть только проклятием для всех германских племен и народов. Большинство немецких патриотов 1811 г. уже не хотело знать об об'единении Германии под главенством Пруссии. Во время Венского Конгресса Геррес писал в своем „Рейнском Меркурии“, получившим от Наполеона название „седьмой великой европейской державы“, что „саксонцам и жителям Рейнской провинции совершенно непонятно почему четыре пятых немцев должны жить по указке всего какой-нибудь одной пятой, состоящей к тому же на-половину из славян, а не из немцев“. Действительно, славянский элемент прусского населения значительно усилился вследствии „завоевания“ Силезии и раздела Польши при Фридрихе Втором и составлял больше двух пятых всего населения Пруссии. Тем более комичное впечатление производят притязания Пруссии, что, будто она, в позднейший период истории Германии, призвана быть охранительницей „истинно-немецкого духа“.

---

*) В конце февраля с. г. ген. Ботлер в своей радио речи обвинял комиссию Конгресса в сокрытии фактов, обнаруженных расследованием о фашистском заговоре в С. Ш. Он спрашивает комиссию: почему не были вызваны на допрос Нью Иорский биржевик полков. Грейсон, личный секретарь президента Луис Гай, губернатор Мессачузетса Илай, начальник ген. штаба Мак-Найдер, и Эл Смит? По утверждению ген. Ботлера Американский Легион контролируется банкирами.

По этой причине немецкая революция должна была видеть свою первую и главную политическую задачу в том, чтобы сломить раз навсегда злую силу прусского юнкерства, чтобы обеспечить за Германией возможность нормального развития в будущем. Это можно было сделать только отнявши у юнкерства самый источник его политической влиятельности, т. е. завладевши крупными дворянскими поместьями. **Первое правительство, соорганизованное в Германии после войны, было вполне социалистическим, и уже в силу одного этого оно должно было бы чувствовать себя призванным решить эту задачу.** Буржуазные революционеры времен Великой Французской Революции, не руководившиеся никакими социалистическими идеями, прекрасно поняли, что Франция может быть освобождена от политического господства аристократии и духовенства только в том случае, если будут отняты земли у знати, владевшей крупными поместьями, чем была бы подорвана самая главная основа их политического влияния. **Немецкие же социалисты не подумали о необходимости подобной меры. Вместо этого их идейные вожди придумали новую теорию и постарались убедить своих последователей в том, что период экономического упадка — не подходящее время для производства социалистических опытов.** А между тем раздел крупных поместий оказал бы такое могущественное влияние на развитие страны, что все последствия его даже трудно представить. И это было бы так, даже если бы этот раздел был произведен не в целях осуществления социализма, а из чисто политических соображений, ибо такой раздел крепкими узами связал бы с республикой тех самых мелких и более или менее зажиточных крестьян, которые, впоследствии, ничего не получив от революции, сделались ее явными врагами.

Главари немецкой социал-демократии, однако, не только не посягнули на право собственности прусских юнкеров в то время, когда имелась возможность нанести этим последним смертельный удар. Социал-демократические главари даже не подумали о том, чтобы коснуться собственности немецких князей. В то время как полуголодные народные массы погрязали во все большей и большей нищете, республиканское правительство выплачивало этим бывшим правителям баснословные суммы ввиде „возмещения" за утраченные привилегии; услужливые же суды заботились о том, чтобы эти паразиты не лишились ни одного гроша. Дело шло, при том, не только о возмещении потерь, понесенных вследствии ноябрьской революции свергнутыми „отцами" страны, но и об уплате денежных сумм потомкам мелких князьков, владения которых уже лет 130 не обозначались на картах Германии, как отдельные княжества. Только одним потомкам таких прежних мелких деспотических правителей государство выплачивает ежегодно **„маленькую сумму"** в 1.834.-139.091 марок. Что же касается князей, остававшихся правителями вплоть до самой революции, то одни только Гогенцоллерны получают компенсацию в 200 миллионов золотых марок. Притязания всех немецких князей-правителей на компенсацию в общем в четыре раза превосходит всю сумму займа, сделанного Германией с разрешения комиссии Доуса. В тоже самое время у самых бедных постоянно отнимали последние гроши, не считаясь с тем, что им не хватает денег на удовлетворение даже самых насущных потребностей; никому из этих благородных господ не пришло на ум пожертвовать, хотя бы одну копейку, на облегчение ужаснейшей нищеты. Подобно Шейлоку, эти князья настаивали на уплате по векселю и явили миру классический пример того, как обстоит дело в действительности с пресловутой „общностью интересов всех элементов нации". Если бы вожди такого сильного своей численностью и организацией социалистического рабочего движения в то время, когда это было во власти этих вождей, проявили по отношению к прусскому юнкерству и к немецким князьям хотя бы сотую часть той основательности, с которой в настоящее время взялся за дело победоносный фашизм, разгромляя рабочие социалистические организации, то Германии и остальному миру не пришлось бы быть зрителями позорного эпизода основания третьей империи.

Рудольф Рокер.

Розыгрыш часов

Ввиду того, что не были получены все корешки от розыгрышных билетов, розыгрыш часов не мог состояться в назначенное время. Теперь большинство корешков получено и розыгрыш состоится в ближайшее время; выигрышный номер будет опубликован в следующем номере „Дела Труда".

Комиссия по розыгрышу часов.

„Дело Труда" и Интернациональная анархическая пресса

В теоретическом журнале „Ди Интернационале" (№ 5, Апрель 1935 г.), органе немецких анархо-синдикалистов, издаваемом при содействии Секретариата Международного Товарищества Рабочих, и во французском и немецком изданиях „Бюллетеня" М.Т.Р., напечатана полностью резолюция конференции нашей Федерации: *„Наше отношение к войне империалистических держав с Союзом Советских Социалистических Республик и о войне вообще"*.

Политические письма из Франции

Двухгодичный срок отбывания воинской повинности

Повидимому нам надо ожидать этого. Вопрос об обороне страны (читай: о подготовленности к войне) безпокоит буржуазию. Гитлеровская Германия вооружается. Это нагоняет страх на людей. Прежде смотрели на это спокойнее. Теперь-же . . . ?

Вопрос состоит в следующем: во время мировой войны рост населения стал быстро отставать от нормы. Поэтому через двадцать лет ощутился недостаток в рекрутах. Франция в настоящее время обладает войском в 240,000 человек. За срок от 1936 г. до 1940 г. можно будет набирать ежегодно лишь по 130,000 молодых людей, годных для военной службы. Надо заполнить как-нибудь пробел, получающийся вследствие этого. Но как сделать это?

В 1928 г. Пэнлевэ, бывший тогда военным министром, хотел за несколько лет до 1936 года набирать меньшее число рекрутов, чем полагалось по норме, чтобы иметь в запасе большее число их на последующие годы, когда должен был бы особенно сильно ощутиться недостаток в рекрутах. Генеральный штаб однако не провел этой меры, предложенной Пэнлевэ. Угроза войны со стороны Германии, эвакуация левого берега Рейна и боязнь осложнений в связи с Саарским плебисцитом — осложнений, которые могли привести к вооруженным столкновениям — все это удерживало французов от приведения в исполнение меры, предложенной военным министром.

Между тем маршал Петэн в статье, помещенной им в журнале "Revue des deux Mondes", высказался за введение двухгодичного срока отбывания воинской повинности. Статья эта вызвала сенсацию. Социал-демократы и коммунисты подняли крик против офицеров, стоящих во главе Генерального Штаба, желающих впутать нацию в войну. Но эти левые группы располагают в палате депутатов лишь меньшинством голосов. А вопрос решается палатой депутатов. Радикальные социалисты „собственно говоря" также противники двухгодичного срока отбывания воинской повинности. Пьер Ко, бывший министр воздушной обороны. обнародовал в "Oeuvre" статью, в которой он восхвалял красную армию. Большевики, так говорил он, на нашем месте не удлинили бы срок военной службы, а вместо этого усилили бы производительность военных индустрий. Но, так говорил он, если генералы будут настаивать на своем требовании, то радикальные социалисты уступят им. В этом можно было быть уверенным.

Правда, до сих пор ни одно министерство не хотело взять на себя ответственность за продление срока военной службы до двух лет. Правые партии также, хотя они и горячо заступаются за идею этого плана маршала Петэна, предпочитают однако предоставить другим вытаскивать каштаны из огня. Будет ли Фланден их „мавром"? Ему, наверно, было бы дана возможность уйти после того, как он сделает свое дело. Его сменило бы правительство, в состав которого вошло бы большее число правых. И тогда военные оказывали бы еще большее влияние на ход дел. Дорога к окончательной подготовке к войне оказалась бы таким образом свободной от всяких препятствий.

Берегитесь! говорят пацифисты. В 1913 г. был продлен срок военной сдужбы, а в 1914 г. разразилась война. Если в 1935 году будет введен двухгодичный срок отбывания воинской повинности, то это будет означать, что снова угрожает война.

В этом есть, правда, известная доля истины. Но **причиной** грядущей войны будет не продление срока военной службы. Это последнее будет лишь последствием усиленного вооружения Германии и все больше охватывающего весь немецкий народ воинственного психоза. Вот что заставляет Францию подготовляться все лучше и лучше к войне; вот что усиливает французский милитаризм. Вооружение Германии не приносит пользы делу международного мира. Если хотят мирной политики, то надо пред'явить Германии ультиматум, пригрозив ей финансовым и экономическим бойкотом, и потребовать от нее, чтобы она немедленно приостановила дальнейшее усиление вооружения и отменила бы меры, раньше принятые ею в целях подготовленности к войне. Строго проведенная блокада Германий через несколько недель привела бы не только к разоружению Германии, но и к ликвидации Гитлеровской националистической политики. А это открыло бы путь к международному разоружению.

Желают ли прочие государства, великие державы, такой обезпечивающий мир политики? Такого желания не видно и следа! Международная военная индустрия нимало, не заинтересована в ней; но зато она очень заинтересована в продлении того печального положения дел, которое создается погоней за все большими вооружениями. Ведь если бы восторжествовала действительно мирная политика, то чем же можно было бы оправдывать тогда расхо-

ды на вооружение? Империализм западных держав желает оставаться вооруженным. К сожалению и во Франции силы, желающие действительного мира, не находят достаточного отклика для того, чтобы привести в исполнение свои намерения. А в Англии искренних сторонников мира, пожалуй, еще меньше. Военная индустрия вполне реальная сила; а движение в пользу международного мира не является даже моральной силой.

Поэтому победа остается за генералами.

Единый фронт — а потом что?

„Допустим на мгновение — так пишет Леон Блюм, вождь французских социал-демократов, в “Populaire” — что единый фронт будет прорван и что великие массовые демонстрации в Париже и в других больших городах окажутся неосуществимыми. Кто не почувствует тогда, что республика и демократические свободы находятся в опасности?“

Своей тактикой единого фронта французская коммунистическая партия облегчила социал-демократической партии задачи, стоящие перед этой последней в парламенте и во время выборов. Несмотря на это социалисты часто жалуются на то, что коммунисты пользуются тактикой единого фронта, чтобы извлекать из нее выгоды для своей партии. Мы не должны допускать того, говорят социалисты, чтобы существование единого фронта подвергалось опасности.

Но коммунисты не позволяют сбить себя с толку такими заявлениями. Они ставят свою партийную политику выше политики сохранения единого фронта. Большевистские органы печати “Cahiers du Bolchevisme” и “Internationale Communiste” полны разсуждениями, защищающими тот взгляд, что интересы коммунистической партии должны стоять на первом месте. Поэтому Нестору французской коммунистической прессы, пришлось, скрепя сердце, сделать в “Humanite” попытку ослабить создавшееся впечатление, что „коммунисты хотят сделать пробоину в социалистическом Интернационале и в его французской секции“. Но Марселю Кашену не удалось вполне успокоить Леона Блюма. Лишь дойдя до соображения о том, что рядовые-то коммунисты не затаили с самого начала никакой задней мысли, да и теперь еще не преследуют никаких тайных целей, осуществляя свою тактику единого фронта, Леон Блюм успокоился сам и стал успокаивать своих партийных товарищей. В этом соображении, надо видеть гарантию того, что тактикой единого фронта не злоупотребляют. Так думают социалисты.

Социалисты усматривают в теперешнем единстве действия средство и подготовление к осуществлению организационного единства. В особенности левое крыло их партии во главе которого стоит Жиромский, усиленно стремится к этой цели. И Блюм думает, что, если бы удалось осуществить такое политическое об'единение то этим были бы устранены и причины препятствующие об'единению профессиональных союзов. Но не менее правильно было бы и утверждение, что об'единение профессиональных рабочих союзов повело бы за собой и об'единение на почве политики. „Социалисты не должны отказываться, говоирт Блюм, от осуществления организационного единства, даже если коммунистическая партия не считает его возможным или желательным“.

Да и в самом деле коммунисты не так то уж стремятся к этому единству. Или, пожалуй, можно сказать, что они его желают; но желают они единства такого, „как они его понимают“, т. е. поглощения социалистов коммунистической партией. „Если этого вы хотите, то значит вы не хотите единства“, говорят им социалисты. „Но ведь наши цели не те же, которые вы ставите себе“, отвечают коммунисты. „Разница не так уж велика“, возражает им Блюм, социалистический папа. „Мы противники буржуазно-социалистических коалиционных правительств. Мы желаем, чтобы вся власть принадлежала нашей партии. И тогда мы проведем социалистическую политику. А вы ведь хотите того же самого. Итак, цели наши не так уж различны“.

Но Москва еще не дала французским коммунистам позволения осуществить организационное единство. Never mind! Не слишком огорчайтесь этим. „Теперешнее единство действия в сто раз лучше прежнего положения вещей“, добавляет Блюм. „Организационное об'единение может возникнуть само собой из постоянных совместных действий. Да, наконец, и какие-нибудь непредвиденные обстоятельства могут помочь делу такого об'единения и сделать его возможным“.

Французские социалисты терпеливо, подобно индейцам, ждут обращения своих коммунистических братьев. Не навязывается ли при виде этого такой вопрос: разве единый фронт не исполнит своей задачи, раз он поможет успешно отразить фашизм? Разве втискиванье жизни в единые и однообразные формы совершается вообще в интересах свободы и социализма?

Стоит только бросить взгляд на Россию, чтобы получить ответ на этот вопрос.

А. Зухи.

Испанские анархисты и октябрьская революция

(Продолжение)

Положение дел в остальной Испании.

В Каталонии относительная бездеятельность Н. К. Т. и И. Ф. А. об'ясняется двумя причинами: невозможностью для них подготовиться за год к революции и той беспощадной войной, которую вело против них каталонское правительство.

Что же можно сказать об остальной Испании? Последствия восстания, происшедшего в январе и декабре 1933 г., ощущались во всей стране, но нигде в такой степени, как в Каталонии.

К тому же имел значение и тот факт, что центральная политическая власть перешла в руки „правых" партий и это сделало невозможной какую бы то ни было правительственную демагогию. Среди членов Каталонского правительства имелись министры социалисты и „синдикалисты". В центральном же мадридском правительстве были только реакционеры, одинаково враждебно относившиеся и к социалистам и к анархистам. Поэтому, в противоположность тому, что произошло в Барселоне и других каталонских городах, где стачечное движение систематически подрывалось рабочими синдикатами, одобряемыми и поддерживаемыми каталонскими властями, в Мадриде дружно бастовали одновременно официанты, рабочие по металлу и строительные рабочие. В Сарагосе к всеобщей забастовке, об'явленной Н. К. Т. и продолжавшейся сорок пять дней, присоединились социалисты, бастовавшие сорок дней.

Хотя формальное соглашение между рабочими организациями всех направлений было заключено только в Астурии, в остальной Испании анархисты не отвергли бы плана общего революционного выступления, если бы этот план был серьезно разработан. Но подобного удовлетворительного плана не оказалось.

Национальный комитет Н. К. Т. когда-нибудь даст подробные об'яснения касательно своих попыток войти в сношения с организаторами октябрьской революции, и воинствующие сторонники свободнического социализма в Мадриде расскажут о том, как была отвергнута просьба выдать им оружие, с которой они обратились к социалистам-государственникам, когда была об'явлена всеобщая забастовка. Не надо думать, что анархисты забыли 1931 и 1932 годы и события января 1933 года; но они не хотели придавать особого значения всем этим событиям и решили все-таки сделать попытку вызвать революционное движение пролетарского характера. Им не удалось достигнуть этого. Главари социалистов отказались выдать оружие Н. К. Т., хотя сами они не собирались воспользоваться им. И члены Н. К. Т. могут об'явить, что никто не уведомил их прямо о том, что готовилось, и что усилия их войти в сношения с главарями восстания ни к чему не привели.

Дело в том, что социалисты не желали вмешательства Н. К. Т., потому что участие Н. К. Т. в движении придало бы ему действительно социалистический и революционный характер.

---

1) Вот одно из тысячи возможных доказательств этого. Среди документов, приложенных к обвинительному акту против Теодомиро Менендеца, астурийского социалистического депутата, отрицавшего точно также, как и Гонзалец Пенья, что он принимал какое бы то ни было участие в руководстве движением, как оказывается, имеется письмо, написанное 1-го сентября г-ну Карлосу Монтилья, члену партии республиканского действия. В этом письме Менендец предсказывает, что будет очень трудно избежать революции, если сторонники Хила Роблеса пожелают иметь представителей в кабинете министров, но что он, Менендец, считает такую революцию актом безразсудным, так как социалисты оказались бы вытесненными крайними элементами.

Индалеско Прието об'явил из Парижа через „Юнайтед Прес", что одной из причин неудачи движения, которого главари социалистов не желали, считая его преждевременным и недостаточно подготовленным, было то, что Н. К. Т. воздержалась от участия в нем. Как могут социалисты говорить о „воздержании Н. К. Т. от участия", — когда они не уведомили нашу организацию о своих планах, отклонили предложение устроить совещание с делегатами Национального Комитета Н. К. Т. и допустили захват правительством Леру-Хил Роблеса складов оружия, чтобы только не пришлось выдать этого оружия членам Н. К. Т. и И. Ф. А.?

Недостаток оружия.

Повторяем, наше движение не было подготовлено к восстанию. За нами не стояли банкиры или миллионеры, готовые ссудить нам необходимые денежные суммы с тем, чтобы затем вместо данных нам сотен собрать с нас тысячи. И кто же виновен в том, что у нас не оказалось оружия, как не социалисты и левые республиканцы? Декабрьское восстание 1933 года было серьезнее, чем предполагали, и до апреля

1934 г. в испанских тюрьмах находилось более пятнадцати тысяч членов Н. К. Т. Преследования не прекращались ни на мгновение, и это, вместе с безработицей, сильно уменьшило доход, получавшийся нашими рабочими союзами, т. е. единственный доход, которым располагала наша организация. Какими же денежными средствами мы могли воспользоваться для того, чтобы запастись материалами, необходимыми для организации новой революции, не говоря уже о том, что не при всяких условиях вообще возможно ее подготовить?

Словом, октябрь 1934 года застал Н. К. Т. еще неподготовленной для открытой гражданской войны. У социалистов было более чем достаточно оружия. Большие склады его попали в руки правительства. А нашим товарищам отказывали в выдаче какого бы то ни было оружия, каждый раз, когда они просили снабдить их таковым.

Неутомимость наших товарищей во всей Испании в их стараниях раздобыть нужные для военных действий элементы не поддается описанию. Лишенные, в сущности говоря, всего необходимого, всякой защиты, они вмешались в волнения, происходившие в Мадриде и в других местах. И по проверке выяснилось, что, где в октябре месяце дело доходило до вооруженной борьбы, в ней участвовали Н. К. Т. и И. Ф. А. И если в Астурии, где условия были совершенно особенные, восстание приняло весьма серьезный оборот, то это об'ясняется решительным вмешательством в события Н. К. Т.

За исключением Астурии, Н. К. Т. оффициально не вмешивалась в борьбу; но все то, что было успешно совершено во время октябрьской революции, может быть приписано неоффициальной инициативе, исходившей от Н. К. Т. и И. Ф. А. И по всем вероятиям революционерам удалось бы добиться определенного успеха, если бы наши товарищи получили доступ к складам оружия, которое социалисты сберегли для того, чтобы их захватили полиция и войско.

Да во всяком случае, хотя оффициально Н. К. Т. не могла принять решительного участия в восстании и придать политическому движению желательный характер; хотя ее пассивное отношение и было лишь относительным, разве можно упрекать эту нашу организацию или обвинять ее на основании этого воздержания?

Во-первых, Н. К. Т. ничего не было сообщено о том, что подготовлялось; во-вторых, программа лиц, руководивших восстанием, была такова, что не стоило двинуть и одного пальца ради содействия этому восстанию. Дело в том, что, если социалистическая молодежь, как элемент более импульсивный, стремилась к тому, чтобы движение вполне, исключительно контролировалось социалистической партией, то „главари“ движения желали совсем другого: они хотели снова поставить у руля правления убийц Казас Виехас. Если бы Н. К. Т., которой ничего заранее не сообщили, без всякого предварительного соглашения относительно программы движения все-таки вмешалась бы в него, то она сделала бы это лишь для того, чтобы вырвать руководство движением из рук лиц, затеявших его. И это несомненно удалось бы сделать, если бы только мы были несколько подготовлены в материальном отношении. Это, конечно, не было с нашей стороны лояльной поддержкой движения, которое мы могли одобрять. Вмешательство в движение было бы со стороны Н. К. Т. хитростью, затеянной с целью занять руководящее положение в движении, вытеснив главарей, бывших просто политическими заговорщиками. Необходимым условием об'единенного революционного выступления является соглашение относительно того, что должно быть выполнено обеими участвующими в нем сторонами. Разве социалисты-политики проявили хотя бы малейшее уважение к такому движению, как наше?

При каком-нибудь другом случае мы, быть может, будем иметь возможность обсудить те тактические и теоретические задачи, которые могли возникнуть вследствие воздержания нашей организации от прямого участия в восстании — воздержание, которое в октябре было, во всяком случае, вынужденным, а не добровольным. Теперь же резюмируем коротко каково было положение дел и каково было наше отношение к восстанию.

Восстание в Астурии.

В Астурии существовали совершенно особенные условия. Создавшееся там положение дел нельзя сравнивать ни с тем, которое существовало в Каталонии, ни с условиями, существовавшими в прочей Испании. В Астурии наше движение было слабее, чем движение социалистическое. Такое положение дел заставляло наших товарищей думать, что, если они не вступят в соглашение с другими пролетарскими группами различных социальных тенденций, им одним ничего не удастся достигнуть. Поэтому был создан альянс (союз) всех трудовых организаций. Нашим товарищам было выдано оружие. К тому же государственные власти располагают в этом районе большими мастерскими и фабриками для изготовления оружия, взрывчатых веществ и других боевых припасов. В горах имеется много мест, представляющих собою прекрасные естественные при-

крытия для сражающихся. А горнорабочие охвачены революционным настроением. Из всех партий и организаций горнорабочие всего более проникнуты бунтарским духом и хорошо знакомы с опасностями настоящей революционной борьбы. Этими особыми условиями об'ясняется то, что на общем собрании делегатов Н. К. Т., состоявшемся перед началом революционного движения, Хозе Мария Мартинец так страстно защищал тактику наших товарищей в Астурии; но эта тактика не могла быть применена в Каталонии. У нас есть только отрывочные сведения относительно героической борьбы наших астурийских товарищей. Но нет никакого сомнения в том, что если бы не они, то борьба отнюдь не велась бы там столь энергично. Революционные силы рабочих позабыли обо всех партийных разногласиях; создалась одна огромная масса, связанная общими интересами и общим стремлением к свободе и справедливости. Астурийский пролетариат представил собою единую вооруженную армию, и если бы не деморализирующее вмешательство социалистических лидеров, то войскам не удалось бы вступить в Астурию.

Потребовалось бы слишком многа места, чтобы описать все главные события этого движения. Это было самое замечательное рабочее восстание европейских рабочих за все последнее столетие. По продолжительности и интенсивности борьбы оно превзошло революционные движения, поднятые Н. К. Т. и И. Ф. А. в 1933 году.

Что нам важно понять, это те причины, вследствии которых астурийских повстанцев покинули Н. К. Т. и социалисты. Мы не упоминаем о коммунистах так как, вследствие малой численности их, они ничего не могли бы достигнуть.

Во-первых, тот факт, что правительство монопольно контролировало прессу, не позволял знать что происходило в Астурии; ходило много разных слухов, но ничего определенного, существенного нельзя было узнать. А когда, наконец, были получены надежные известия, то было уже слишком поздно для того, чтобы предпринять что-либо. Меры предосторожности, принятые правительством, располагавшим армией, полицией и гражданской милицией, лишили нас возможности послать помощь нашим братьям. К этому еще присоединилась основная причина, заставившая Н. К. Т. более или менее воздержаться от участия в движении — недостаток в оружии и боевых припасах. Ничего существенного нельзя было предпринять, кроме вооруженного восстания, а, повторяем, Н. К. Т. оказалась неподготовленной к таковому. Наше бездействие было вынужденным; но бездействие социалистов, еще располагавших большими складами оружия, было просто трусостью. Простое перемещение этих складов оружия могло бы повести к тому, что изменился бы весь общественный строй Испании.

Мало кто испытал такую сильную душевную боль, какую испытали мы, когда мы поняли в каком безпомощном положении оказалась изолированная Астурия. Мы знаем, что значит быть покинутыми всеми и как это влияет на настроение сражающихся. Но Н. К. Т., хотя члены ее и сочувствовали вполне астурийским повстанцам, разделяя их идеи и будучи охвачены теми же чувствами, были вынуждены воздерживаться от активных выступлений, которые могли бы лишь усилить разгром пролетарского движения. Ответственность за то, что астурийские повстанцы-рабочие были покинуты на произвол судьбы, падает всецело на тех, кто, затеяв октябрьское движение, вообразили, что они достаточно сильны для того, чтобы обойтись без помощи Н. К. Т. Хотя они и располагали всем тем, что было необходимо, чтобы помочь астурийцам, они не пошли на помощь своим и нашим братьям, которые подверглись нападению армии, и которых всячески позорили их враги.

(Окончание следует)

Диего Абод де Сантильян.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? заискивающе спрашивает Ваню милая дамочка-гостья.

— Ты наверно будешь президентом или нечто вроде этого — не правда-ли, Ваня?

Ване немного надоели назойливые вопросы гостьи, но все-же в его мозгу складывается мысль, что вот, мол, и он может стать кем хочет — даже президентом! Почему бы и нет? Разве он не живет в „свободной стране“, в стране „истинной“ демократии, где сын простого фермера из Кензаса становится президентом громаднейшей банковской корпорации?

С зарождением этой мысли и начинается *образование* Вани и ложное понятие демократизма пускает ростки в его мозгу. Эти ростки, с ростом честолюбия и желания могущества, укореняется все глубже и глубже. Допустим, что этому ребенку задали такой вопрос: „Согласился бы ты, Ваня, заслужить миллион долларов ценою жизни лучшего твоего друга?

Несомненно, это очень трудная моральная задача для ребенка, но я думаю, что он категорически ответил бы *кет*. Только в редких случаях ненормально-эгоистический ребенок ответил бы на такой вопрос *да*. Однако мы толкаем детей на последний ответ с самого раннего возраста:

— Попирай других! Не обращай ни на кого внимания и преследуй свою цель. Ты имеешь возможности стать президентом. Эка важность, что тысячи людей голодают, когда ты пируешь. Эка важность, что рабочие, как крысы,

погибают в шахтах! Ты имеешь возможность стать миллионером!

Дети массами выпускаются из наших *образовательных фабрик*, а мы наивно надеемся, что они в таких условиях вырастут честными, справедливыми и общественными. Они выпускаются в свет, где человек может *преуспеть* только при помощи взяточничества, эгоистичности и пренебрежения справедливостью. Мы приучаем своих детей верить, что Америка — *страна золотых возможностей*, но мы упускаем указать им, что они могут пользоваться этими *возможностями* только попирая права других.

Имеется только один путь воспитания детей. С самого начала мы должны указать ребенку, что путь его *успехов* усеян *неуспехами* других. Мы должны учить его ненавидеть выгоды, достигаемые таким путем. Укажи ему, что все, что он имеет, что он носит, сделано другими; что другие рабствуют и изнывают, чтобы дать ему пищу, которую он ест. Укажи ему, что *никто* не может жить независимо от других, без помощи ближнего, и что счастье каждого человека очень важно для построения его собственного счастья. Негр, получающий гроши за тяжелую работу на плантациях и всегда находящийся в долгу у компанийской лавки, играет такую же важную роль в благополучии ребенка, как и сапожник, делающий его сапоги, и портной, шьющий его одежду. Укажи ему, что рабочие — это плоть и кровь и что не презирать их надо за то, что они трудящиеся.

Укажи ему, что богатство — не залог счастья и что *невозможно* быть богатым без присвоения того, что по праву принадлежит всем. Скажи ему, что шахтер рискует своей жизнью, чтобы ему было тепло зимой. Скажи ему, что этот шахтер получает *ничтожество* за его работу и риск. Я говорю ничтожество без всякого преувеличения. Разве два с половиной доллара в неделю можно считать достаточным вознаграждением человека с семьей? 200 шахтеров согласны были умереть от вонючих газов в грязных тунелях шахт, потому что их хозяева не хотели поступиться частицей своих барышей!.. А когда газеты об'явили, что плату повысили до трех долларов в неделю, а часы работы удвоили, то мир самодовольно-сочувственно улыбался и замечал:

— Это хорошо, я так рад за бедных венгерских углекопов!

Рад? Каждое мыслящее существо должно было бы восстать, каждый молот, каждое колесо остановить свое движение, каждая машина должна была бы замолчать в бездействии до тех пор, пока этим страдающим венгерским шахтерам не будут дана заслуженная плата за их труд. Не только хозяева и капиталисты, но и все мы преступны перед этими людьми. Мы бездействуем. Наши голоса не громче шопота. Мы боимся наказания по самому чувствительному месту — по кошельку, по удобству, по мелкому честолюбию.

Укажи ребенку, что таже самая система, которая сулит ему возможность стать президентом, может принести и его самого в жертву во имя честолюбия другого. Укажи ему, что в любую минуту он может стать жертвой этого отвратительного чудовища, которое он боготворит. Благополучие, справедливость и свобода — не отвлеченные понятия. Они должны быть показаны ребенку, как возможная действительность.

Счастье невозможно пока мир страдает. Справедливость невозможна когда миллионы голодают, а эксплоататоры тратят биллионы на роскошь. Где свобода, когда люди сажаются в тюрьмы за сопротивление ужаснейшему из всех капиталистических орудий, держащих массы в рабстве — *войне?* Учи ребенка бороться против деспотизма. Учи его терпимости ко всему, кроме несправедлисости. Учи его любви ко всему, кроме ненависти и честолюбия. Учи его не преклоняться ни перед кем и ни перед чем, чтобы он, как личность, сохранил свою самобытность и свое самоуважение — тогда и он, и другие будут счастливы, т. е. будут жить в свободе и в экономическом равенстве.

Уничтожь демократическое заблуждение, которое воспитывает любовь к власти. Замени его сознанием социальной солидарности, поставь целью, чтобы все живущие и раждающиеся имели хлеб, мир и свободу, т. е. экономическое и социальное равенство на деле!

Битрис.

Организация промышленности производственными союзами

(Печатается в дискуссионом порядке)

Чтобы убедиться, что капиталистический порядок в настоящий момент переживает грозный кризис и медленно разлагается. достаточно проанализировать современное экономическое положение.

В то время, когда в Канаде, из-за недостатка покупателей, сжигается пшеница, а в Бразилии, по той же самой причине, кофе употребляется на топку паровозов, мы находим, в так называемом „цивилизованном мире“, **22 миллиона безработных** и такую ужасную нищету, которую мир давно не видел.

Человеческим обществом созданы условия непрерывного увеличения средств производства всякого рода богатств, но обращение этих богатств задерживается и ограничивается капиталистической системой. Производительные классы, благодаря этой системе, лишены права потреблять то, что они производят, несмотря на нужду огромной части трудовых классов во всем.

Капиталистический класс неспособен приспособить производство к потреблению и поэтому, обогащаясь сам, он не знает как обогатить народ настолько, чтобы он мог покупать производимые товары.

Капиталистический класс исчезнет из-за своего собственного эгоизма, из-за ненасытной жажды барыша.

Кому же будет принадлежать будущее?

Тресты, комбинаты и консорциумы частных предпринимателей обнаружили неспособность установить порядок в хаосе про-

изводства: уже на прошлых кризисах нашего столетия (1901-1902 и 1907-1909 год.) можно было видеть, что кризис был самым ужасным в Соединенных Штатах и в Германии, т. е. как раз в тех странах, в которых имеются самые мощные капиталистические комбинаты. Длительный и жестокий кризис нашего времени еще более подтверждает, что эти комбинаты неспособны приспособить, даже в своих собственных отраслях, производство к потреблению, чтобы избежать этих ужасных конфликтов.

Однако и государство, несмотря на утверждения марксистских социал-демократов, также неспособно организовать те службы, которые необходимы человечеству и которые дали бы больше благополучия и больше свободы для всех. Государство, вмешиваясь в производство, оказывается бессильным, исключая, можеа быть, некоторые специальные отрасли производства общественного характера, как, например, почта, телефон и телеграф, железные дороги и муниципальные службы движения: трамваи, автобусы и пр., или службы по снабжению водой, газом и электричеством.

Современное государство является слишком мало приспособлено к экономической жизни наций. Оно слишком поверхностно рассматривает действительную жизнь и к тому-же оно управляется капиталистическими классами: финансистами, мануфактуристами, представителями крупной торговли и землевладельцами. Как неспособны управлять общественным производством тресты и капиталистические комбинаты или государство, точно также к этому неспособны и политические партии или анархические группы. Можно быть любых политических убеждений, можно быть консерватором, радикалом, республиканцем, социалистом или анархистом, но должно признать, что все это имеет малое отношение к технике производства. Всякая политическая партия, всякая организация, того или иного сорта, которая остается вне действительного производства, заранее обречена на провал, если она берется за управление экономической жизнью. Если политиканы или анархические группы, как таковые, вмешаются в производство, они неизбежно закончат диктатурой или социальной тираннией; два жалких примера этого нам дают большевистский режим в России и фашистский порядок в Италии. Единственными организациями, которые компетентны управлять, снизу до верху, общественным производством в будущем, являются союзы ручных и умственных работников. Только они находятся в прямом и косвенном контакте с работой промышленных и коммерческих учреждений, со средствами передвижения и сообщения, с административными и земледельческими учреждениями. Совместно с кооперативными обществами и другими потребительскими обществами союзы определенно могут организовать экономическую жизнь в будущем и решить проблему транспорта.

Устанавливая эти факты, видишь необходимость для всех пролетарских течений сильно организоваться в местном, национальном и интернациональном масштабе. Это необходимо для рабочих, если они желают захватить фабрики и мастерские и управлять производством.

Что касается специальной роли рабочих союзов, в случае социальной революции, то, само собой понятно, союзы, которые в течении сорока лет интернационального рабочего движения были боевыми организациями за улучшение или за защиту условий труда, должны стать производственными организациями, которые возьмут инициативу по управлению всеми предприятиями.

В целях соответственного выполнения этой социальной миссии, союзы ручных и умственных работников должны, по нашему мнению, прежде всего организоваться ИНДУСТРИАЛЬНО и лишь в исключительных случаях ПРОФЕССИОНАЛЬНО. Индустриальные Рабочие Мира Соединенных Штатов первые показали пример такой индустриальной организации.

Центром всякого крупного производства, экономической ячейкой современной жизни является учреждение, фабрика, а не профессия, не ремесло. В настоящее время в фабрике средней или крупной промышленности заняты рабочие и служащие пяти, десяти и двадцати ремесл и специальностей: кузнецы, плотники, декораторы, маляры, конторщики, стенографисты-машинисты, инженеры, химики и пр., и пр.

Эти различные рабочие фабрики, взятые вместе, могут знать свое учреждение, а федерации могут знать все подобные фабрики в стране, что даст им возможность подготовить местную, национальную и интернациональную организацию всех фабрик в каждой отрасли промышленности. Ручные и умственные работники, будучи об'единены, способны организовать общественное производство в интересах всех.

Каково будет положение, если в ближайшем будущем вспыхнет социальная революция, которая при данных условиях имеет большие шансы стать интернациональной? Ставя этот вопрос, мы не думаем о чисто ПОЛИТИЧЕСКОЙ революции, подобной испанской, германской и других стран, переменившей монархию на республику. Мы имеем в виду революцию, которая аттакует фундамент общественного порядка — частную собственность.

Если социальная революция вспыхнет

через несколько месяцев или лет, то можно надеяться, что молодое поколение, занятое в производстве, и значительная часть техников-инженеров, архитекторов, химиков и пр. примкнут к рабочему движению и предпочтут помогать нам организовать производство в интересах ВСЕХ, чем помогать организации промышленности в интересах нескольких десятков, сотен или тысяч акционеров.

Мы надеемся заручиться этой поддержкой потому, что нам достаточно хорошо известно, что нигде, даже в Соединенных Штатах, в Англии и в Германии, не говоря уже о других странах Европы, рабочие и их организации не подготовлены в достаточной степени к перенятию в свои руки технического управления фабриками, мастерскими и всей экономической жизнью. Итальянский опыт захвата фабрик — тяжелый урок.

Наша основная точка зрения в этом вопросе основана на долгом экономическом и практическом изучении. В целях устранения превратного понимания, мы должны, с технической точки зрения, ясно поставить проблему: на сто инженеров одного из лучших технических калледжей, например, „Эколь Сентрал" Парижа, безусловно не найдется и двадцати, — даже после нескольких лет практической работы, — способных управлять фабрикой в 200 рабочих и служащих, чтобы не разрушить эту фабрику в короткое время. Известно, что гораздо легче разрушить цветущее промышленное или коммерческое предприятие в несколько месяцев, чем за десять лет привести в цветущее состояние вновь построенное предприятие.

Продолжим нашу мысль. Из двадцати этих инженеров, способных управлять промышленным или коммерческим предприятием среднего размера, не найдется и трех, которые были бы способны, после нескольких лет практики, управлять, в своей отрасли, КРУПНОЙ фабрикой с десятью или двадцатью тысячами рабочих. И, наконец, может быть, не найдется ни ОДНОГО из них, который мог бы управлять картелью или трестом от двадцати до сотни фабрик. Тем не менее должна приниматься во внимание необходимость иметь известное количество первокласных технических экспертов; они должны быть первокласными потому, что в будущем, при коммунистическом строе, производство, распределение и транспорт будут носить более национальный и интернациональный характер, чем теперь, а это требует крупных талантов и действительных гениев-организаторов и директоров. Ответственность за современное положение и за недостаток талантливых технических организаторов в огромной доле падает на капиталистических директоров промышленности и коммерции и на правительства, которые систематически устраняют ручных и умственных рабочих от влияния на управление делами.

Если революция вспыхнет в ближайшее время, то все большие и малые промышленные короли должны будут быть благодарными, если рабочие организации решат милитаризировать всех их, оставив их на своих местах под наблюдением рабочего персонала, чтобы, в случае саботажа и небрежного выполнения работы, предавать их специальному трибуналу. Здесь личная свобода должна уступить место общему интересу.

Если же, однако, несмотря на тяжелый современный экономический кризис, социальная и интернациональная революция все еще не приходит, то профессиональные союзы во всех странах должны требовать установления института РАБОЧИХ ДЕЛЕГАТОВ, — (рабочих ручного и умственного труда вместе), — которые должны принимать участие в управлении всеми делами: промышленными, коммерческими, финансовыми и земледельческими; такой институт рабочих делегатов должен быть учрежден во всех предприятиях, пользующихся наемным трудом и насчитывающих более пяти рабочих.

В этом случае делегаты разных отраслей крупного предприятия, имев возможность постепенно ознакомиться с общим ходом своего промышленного или коммерческого предприятия, могут, вероятно, оказаться способными создать, когда их вмешательство станет необходимым, центр экспертов, достаточно значительный чтобы вести общественное производство самими рабочими. До тех же пор, пока трудовые классы — (ручные и умственные работники вместе) — не смогут выделить из своей среды нужных компетентных технических экспертов, они вынуждены будут оставаться под господством специальной касты частных капиталистов или государственных чиновников. Разница между этими двумя режимами господства (частным или государственным) не может быть значительной.

Как рабочие союзы организуют производство и распределение общественного богатства в коммунистическом обществе?

Условия выполнения этого, несомненно, будут различаться в зависимости от области, обычаев и особенно в зависимости от интеллектуального развития населения, а кроме всего этого еще и от промышленности.

Одно ясно, если только мы правильно оцениваем положение дел в Западной Европе и в современных демократических странах по ту сторону океана, что одним из первых мероприятий победоносной со-

циальной революции будет захват всех банков и кредитных учреждений, которые все будут „национализированы“. „Французский Банк“, Английский, Германский и т. д. банки об'единят все эти учреждения и создадут центры всех местных и национальных производств. Вместо отделения „Лионского Кредита“ или „Французского Банка“, находящихся на Больших Бульварах Парижа против „Сосьете Женераль“ или „Комтуар д'Эскомпти“ будет установлено только одно отделение рядом с каждой почтовой конторой или даже в самой маленькой деревне. Другим важным пунктом является то, что деревенская община станет собственницею всех земель и всех домов, как уже существующих на ее территории, так и тех, которые будут строиться в дальнейшем; в ее обязанность будет входить починка старых домов и постройка новых, в которых население будет нуждаться.

Однако в задачу этой статьи не входит вопрос о глубине трансформации общественного порядка социальной революцией или обсуждение того, будут ли бывшие собственники компенсированы если не пожизненной рентой то каким либо другим путем. Все эти вопросы, в действительности, находятся в тесной зависимости от событий и различных местных, областных, национальных и интернациональных факторов.

Вернемся к вопросу организации производства. В коммунистическом обществе местные индустрии будут поддерживаемы и будут оживлятся местными отделениями Национального Банка, подобно тому как областные индустрии будут зависить от областных банковских отделений, а национальные индустрии от центрального Национального Банка. Для производства интернациональных работ будет необходима взаимная согласованность Национальных Банков.

Оставлены будут только те промышленные, транспортные и пр. учреждения, которые будут найдены финансовыми экспертами общины жизненно-необходимыми. Раз жизненная необходимость признана, то местные, областные или национальные представители Национального Банка будут иметь определенный надзор за всеми этими предприятиями; это финансовое наблюдение можно сравнить с наблюдением фабричного инспектора за гигиеной и условиями труда на современной фабрике.

Все важные промышленные, финансовые, транспортные и коммуникационные, так же как и административные, службы должны находиться в ведении административного совета, составленного из рабочих и служащих предприятия; этот совет должен состоять по меньшей мере из стольких членов, сколько на заводе имеется отделений: административный отдел, различные технические отделы производства, заказов, экспедиции и пр. Комитет Директоров должен быть ответственным перед Административным Советом, из состава которого он выбран, а назначение главного директора должно быть утверждено финансовыми органами данной местности.

Мы думаем, что в течении долгого переходного периода вознаграждение труда будет производиться так же, как и в настоящее время, с единственным только отличием, что жалованье и заработная плата будут лучше соответствовать получаемым результатом, чем это имеет место в настоящее время. И будут предприняты широкие меры справедливости по отношению к престарелым, инвалидам труда, независимо от простого существования, на которое, в социалистическом обществе, будет иметь право каждый инвалид.

Союзы ручных и умственных работников возьмут на себя заботу по выработке и проведению шкалы заработной платы в местном и национальном масштабе.

Компенсационные Учреждения („Клиринг Хаузес“, как их называют англо-саксонцы) будут регулировать при таком режиме прилив рабочих из одной страны в другую и устранят таможенные препятствия между странами, входящими в новую Лигу Наций.

Местные, областные, национальные и интернациональные интересы будут защищаться учреждениями подобными тем, которые ныне существуют для производства и распределения товаров; „клиринг хаузес“ будут существовать при всех городских думах каждого города или городского квартала, при каждом провинциальном или областном центре и в стране. Эти учреждения должны периодически обновляться потребителями.

Коммунистические учреждения производства и потребления должны будут наладить между собою необходимый обмен товарами при посредстве Национального Банка и его отделений.

Христиан Корнелиссен.

ЛОС АНЖЕЛЕС, Кал.

Уважаемые товарищи,

Высылаем вам 15.00, которые распределите следующим образом: в пользу „Д. Т.“ — 5.00, за розыгрышные билеты — 5.00 и в пользу политических заключенных в СССР — 5.00. Последние 5.00 идут в счет погашения 30.00 долга тов. Горовому, которые он пожертвовал в пользу политических заключенных. Остальные 25.00 будут внесены частями.

За Союз Русских Рабочих

С товарищеским приветом

А. Шваб.

О Саарском плебисците, едином фронте и борьбе против фашизма

I.

Саарский плебисцит был несомненно наибольшей победой, одержанной третьей империей после выборов, имевших место после пожара в здании рейхстага: „Саарский район возвращается домой“. Тем, что возвращение части германской территории Германии могло приобрести значение такой великой нравственной победы и так укрепить национал-социалистический режим, сторонники этого режима обязаны прежде всего его врагам. Не национал-социалисты, а сторонники **статус кво** видели в плебисците 13-го января показатель того, высказывается ли народ за Гитлера или же против него.

Результат голосования оказался уничтожающим; и не только для **статус кво,** но, прежде всего, для партий, отстаивавших это последнее. Весь мир был изумлен: при свободных и тайных выборах в германской области, не находившейся в исключительном положении, созданном фашистской диктатурой, более 90% голосов было подано за Гитлера и лишь неполные 9% против него. Этот чудовищный результат вызвал такое же удивление, как имевшее место за два года перед тем полное крушение германского рабочего движения, последовавшее за провозглашением Гитлером диктатуры — провозглашением, не вызвавшим никакого отпора. Рабочее движение, обладавшее могучим аппаратом, более чем пятью миллионами организованных в союзы рабочих и располагавшее при выборах 8.000,000 социал-демократических и 6,000,-000 коммунистических голосов, развалилось словно карточный домик при первом же толчке! Менее, чем через год, последовал развал железной гвардии 2-го Интернационала, пала и „красная Вена“ и пришел конец могучей австрийской социал-демократии.

То, что случилось в Саарском районе, было ничем иным, как продолжением этого процесса разложения социал-демократии; ничем иным, как подтверждением банкротства марксистского рабочего движения.

Размеры этого поражения становятся ясными при сравнении его с тем, что произошло 5-го марта. Тогда „Правда“ выразилась так о выборах 5-го марта, бывших завершением окончательной катастрофы, постигшей германское рабочее движение: „Огромная политическая победа Германской Коммунистической Партии“. В свете саарского плебисцита это демагогическое заявление сталинской бюрократии, напоминающее предсмертную шутку приговоренного к смертной казни преступника, уже стоящего возле виселицы, можно почти признать исторической истиной. Выборы 5-го марта происходили тогда, когда фашизм уже господствовал и в государственных учреждениях, и на улице; когда пожар в рейхстаге послужил сигналом для начала фашистского натиска, и когда уже свирепствовали чрезвычайное положение и фашистский террор. Парламентские выборы при таких условипх представляли собою ничто иное, как всемирно-исторический фарс, розыгранный демократией. И все же за обе политические рабочие партии было подано 12,000,000 голосов, когда в шестой раз в течение одного года пролетариат был призван к избирательным урнам, чтобы бороться с фашистской диктатурой посредством бросаемых в эти урны бумажных листков! Действительно, 12,000,000 голосовали „против фашизма“, несмотря на об'явленное фашистами чрезвычайное положение. Несчастие германского рабочего класса заключалось в том, что этим миллионам рабочих было внушено, что, выбирая социал-демократов и коммунистов, они могут тем самым воспрепятствовать вступлению в силу нежелательного им фашизма. Тогда выяснилось, что политиечская рабочая партия — будь то партия социал-демократическая или коммунистическая, есть ничто иное, как неспособная ни к какой действительной борьбе организация, существующая лишь для парламентских выборов. Саарский плебисцит показал, что процесс политического и идеологического разложения марксистских партий зашел так далеко, что от них уже нет никакой пользы, как от механизмов, созданных для целей выборов.

Подача голосов во время саарского плебисцита была тайная. Правильность выборов и неподдельность их результатов были обезпечены. Присутствие союзнических войск гарантировало свободу подачи голосов. Социал-демократическая и коммунистическая партии с их вспомогательными организациями, поддерживаемые католическим меньшинством, совместно вступили в борьбу. Марксистские партии во время последних выборов располагали 33% голосов. Одна только коммунистическая партия располагала более нежели четвертью голосов. Дело шло теперь о голосовании, направленном против Гитлера; о том, чтобы спасти Саарскую область от фашизма. Результат голосования показал, что из 500,000 человек, имевших право го-

лосовать, за **статус кво** голосовали всего неполные 9%. Где же были члены марксистских партий и лица, сочувствующие их программам? Чтобы понять „тайну саарского голосования“, нет надобности производить особенно сложные арифметические вычисления: участвовали в выборах почти 100% всех лиц, обладавших правом голосовать, причем за присоединение к Германии голосовало более 90%. Ответ ясен: значит социал-демократы и коммунисты перешли на сторону Гитлера, и они сделали это уже „13-го января“.

Люди, удивлявшиеся результату саарского плебисцита, позабыли, что борьба против Гитлера велась движением, вожди которого 21-го марта 1933 г. об'явили в Германии, что они готовы добровольно переделать профессиональные союзы по фашистскому образцу. Эти вожди призывали рабочих принимать участие в первомайских демонстрациях, происходивших под знаком „свастики“ (эмблемы гитлеровских фашистов); а 17-го мая в рейхстаге они, устами Вельса, заявили о своей лояльности по отношению к Гитлеру.

То, что случилось в Германии, повторилось и на Сааре. В этом вся сущность саарской тайны. Как только стали известны результаты голосования, местная группа социал-демократической партии в Нейкирхене, втором по величине города Саарской области, добровольно об'явила себя распущенной. Принадлежавшая группе собственность была, согласно обнародованному в печати уведомлению, отдана в распоряжение организации, заведующей зимней помощью нуждающемуся населению. Народный дом был передан германскому рабочему фронту. Марксистский свободный союз гимнастов города Нейкирхена также решил об'явить о своем роспуске и во всем своем составе, вместе со своим знаменем, перешел к германскому гимнастическому союзу“.

(Продолжение следует)

А. Мюллер-Ленинг.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

НЬЮ-ИОРК

Волнения среди рабочих Интерборо

В номере 83 „Дело Труда“ уже было указано на факт нажима компании Интерборо на своих рабочих и что рабочие, вследствие этого нажима, при помощи большевиков основали свой „независимый“ юнион. Теперь, следовательно, нужно осветить дальнейший процесс этой борьбы и достигнутые результаты.

Прежде всего отметим, что вербовка членов в новый юнион ведется теперь открыто, за что Компания, к удивлению рабочих, не преследует организаторов. Был, правда, один случай, когда Компания, желая, чтобы рабочие не ушли из под влияния ее юниона, расчитала двух организаторов, но через пару месяцев вынуждена была принять их на работу, так как со стороны рабочих других департаментов последовал сильный протест против этого несправедливого акта. Компания, что называется, опустила руки.

Вернемся к тому моменту, когда у значительной части рабочих были еще иллюзии и вера в то, что при посредстве компанийского юниона можно заставить Компанию отдать рабочим 10%, которые она сорвала с заработной платы более двух лет тому назад, заявив, что это сделано временно. Рабочие тревожили заправил компанийского юниона, требуя созыва собрания. Учитывая настроение рабочих и желая успокоить их, Компания поторопилась „реорганизовать“ исполнительный Комитет своего юниона, поручив этому комитету созвать собрание. Собрание 5-го локала состоялось в ноябре месяце. Рабочие встретили новых назначенцев с открытой враждой и руганью, а на митинге локала станционных рабочих побили одного из них. Кончилось тем, что на собраниях всех локалов единогласно приняты решения созвать генеральное собрание рабочих. Созвать этот генеральный митинг поручено, конечно, новым компанийским назначенцам с условием, чтобы был выработан проэкт договора с компанией о сокращении рабочего дня до восьми часов, о возврате 10% и т. д. Митинг, понятно, не был созван, а лишь через печать было сообщено рабочим, что опекун Мурей заключил с компанийским юнионом договор, по которому компания вводит восьми часовый рабочий день. Это заявление Компания о введении восьми часового рабочего дня не могло удовлетворить и успокоить рабочих, ибо они прекрасно сознавали, что и с восстановлением восьми часового рабочего дня они будут выполнять ту жу работу, которую выполняли при девяти часовом рабочем дне. Рабочие поняли, что Компания обманула их самым мошенническим образом, и они, почти все поголовно, прекратили платить членские взносы и стали записываться в новый юнион. Новый „независимый“ юнион, таким образом, в членском составе возрос до четырех тысяч, что составляет одну четвертую часть всех рабочих Компании Интерборо.

То, что Компания согласилась ввести восьми часовый рабочий день, уже доказывает, что „благодетели“ встревожены и желают этой уступкой успокоить рабочих и подчинить их влиянию своего юниона. Увы! все данные говорят за то, что попытки компании напрасны, что оживить ей свой юнион не удастся. Доказательством этого служит то, что в последнем номере Бюллетеня „независимого“ юниона появились ряд заявлений должностных лиц Компанийского юниона о том, что они подали в отставку и примкнули к новому юниону. Компания нащупывает теперь почву, чтобы подкупить заправил нового юниона и парализовать растущую силу рабочих.

Попытки Компании парализовать растущую силу рабочих мерами протаскивания своих верных слуг в новый юнион окажутся тщетными, ибо в значительной своей части рабочие уже поняли свое унизительное положение и обман Компании и страстно стремятся создать свой

юнион, поэтому дело создания и укрепления юниона обеспечено. Получается несколько иная картина, когда смотришь на поведение и отношение большевистских заправил к этому вопросу. Правда, пока, в силу коротк. времени, они еще не проявили явных, бьющих всем в глаза стремлений к злоупотреблению доверием рабочих, но кое-что для наблюдательного ума уже замечается. Так, например, от имени транспортных рабочих был устроен танцевальный вечер, на котором было более двух тысяч человек. Ясно, успех материальный был. Рабочие ожидали отчета, они хотели знать на что и на какие цели употреблены заработанные деньги. Отчет дан, но общий и беглый: указано лишь, что деньги употреблены на уплату помещений для митингов, но сколько именно, это осталось тайной. Впрочем, у большевиков не принято давать рабочим отчет и, как мы знаем, в критические моменты для их господствующего положения в рабочих юнионах, они уходят, унося с собою тайну своих задних мыслей. Не приходится, поэтому, ожидать точной отчетности от большевистских представителей в юнионе транспортных рабочих.

Пока никаких признаков революционности большевистские организаторы не проявили. Оставаясь верными своим природным наклоностям делать максимальные уступки капиталистам в борьбе за достижение влияния над рабочими, наши вожди ведут легальные переговоры с НРА, чтобы при помощи этой правительственной организации заставить Компанию допустить голосование рабочих на местах, чтобы таким образом определить за какой юнион они стоят. Допустит ли Компания такое голосование пока нам не известно. Это вопрос будущего.

В заключение следует отметить весьма характерное отношение рабочих к агитационным большевистским листовкам и газетам: рабочие Интерборо не проявляют никакого интереса к ним. На митингах, на улицах, везде рабочие отказываются покупать большевистский „Дейли Воркер". Об'ясняется это тем, что не только, так называемые, рядовые члены нового юниона не знают, что они имеют дело с большевиками, но этого не знают даже и те, которые уже успели выдвинуться в качестве организаторов. Рабочие не знают этого только потому, что большевистские организаторы скрывают от рабочих свое большевистское лицо. Можно подумать, что они скрывают свое лицо, по соображениям чисто консперативным: чтобы не вызвать подозрения со стороны властей и упорной борьбы Компании против создания независимого юниона, а на самом деле, это делается для того, чтобы таким образом организовать большинство рабочих, и в случае Компания откажется признать новый юнион путем мирного соглашения, выступить открыто под большевистским флагом. Во всяком случае замыслы большевиков для нас пока окутаны туманом тайны и мы, как дети, ходим ощупью, хватаясь безнадежно за всякие легальные методы борьбы с Компанией за свои права и интересы.

Рабочий Интерборо.

ЧИКАГО, Илл.
Несколько слов о Диспуте.

14-го апреля с. г. здесь состоялся диспут между 18-ым отд. РНзОВ и 35-ым отд. РНОВ. Первая организация — беспартийная, вторая — большевистская. Диспут был организован по инициативе 18-го отдела РНзОВ. Тема диспута: „Построили-ли большевики фундамент социализма в С.С.С.Р.?"

От 35-го отдела РНОВ выступал Девяткин, от 18-го отдела РНзОВ — Г. Максимов. Большевики, вынужденные принять диспут, заранее знали, что они потерпят поражение, поэтому, чтобы превратить поражение в „победу", они мобилизовали все свои силы г. Чикаго и окрестностей. Дети также были мобилизованы. Цель этой генеральной мобилизации: шумом и поднятием рук произвести впечатление, что большинство с ними и этим театральным приемом создать иллюзию победы. Эта иллюзия была создана, по крайней мере для самих большевиков, но диспут был ими проигран по всем пунктам. Большевики понесли большое моральное поражение. Несмотря на нарушении самых простых правил голосования, большевики получили только голоса своей собственной машины. Этими голосами и неистовым криком „торжества" они прикрыли свое слишком очевидное поражение. Теперь они кричат о победе, хотя довольно умеренно, а на самом деле они понимают, что еще одна такая победа и от их организаций не останется и следа.

О. Ф.

Резолюция, предложенная Г. Максимовым на диспуте, гласит:

Мы, русские рабочие и крестьяне, проживающие в Чикаго и не порвавшие связи со своей родиной, выслушав диспут на тему: „Построили-ли большевики фундамент социалистического общества в С.С.С.Р.?" — пришли к заключению, что большевики не только не построили фундамента социалистического общества, но отняли у народа все естественные права и свободы, установили режим страшной реакции, деспотизма, режим диктатуры нового класса — бюрократии; они установили государственное экономическое рабство, довели рабочих и крестьян до состояния крайней нужды, нищеты, недоедания и голода; большевистское строительство ознаменовало себя миллионами могил, расстрелами, переполненными тюрьмами, местами царской ссылки и концентрационным лагерями. В стране господствует не дух социализма, а произвол огромного, могущественного военно-полицейского государства, уничтожившего все революционные завоевания нашего народа и все результаты прогрессивных усилий дореволюционных поколений.

Если свобода в республиканско-демократическом капиталистическом обществе, исключающем экономическое равенство, есть обман, привилегия и несправедливость, то социализм без свободы, как показывает наша родина, — есть рабство и скотство. Мы, русские рабочие и крестьяне, не желаем ни того, ни другого ни одному народу, а тем более своей родине.

Поэтому мы считаем своим священным долгом перед нашим народом, перед всем трудовым человечеством вести борьбу за свободную Россию, за довольство в ней для всех, за экономическое равенство, без которого невозможна никакая свобода; мы торжественно заявляем себя непреклонными врагами существующего на нашей родине режима, мы разоблачаем и будем разоблачать его перед трудящимися всех стран и бороться с ним до победного конца.

Восстановление, углубление и расширение завоеваний октябрьской революции — вот наша цель.

Мы хотим видеть Россию свободной федерацией вольных фабрик, мастерских и деревень, превращенных в производственные коммуны, ведущие хозяйства в интересах довольствии для всех.

Мы хотим, чтобы в основе нового свободного порядка нашей родины лежал свободный общественно-полезный труд, для всех равный и для всех морально-обязательный. Мы боремся за установление такого порядка на нашей родине и зовем на эту борьбу всех своих соотечественников, рассеянных па чужбине.

Мы за свободные колхозы, за свободные фабрики, за свободные советы!

Мы за равенство, свободу и братство! Коммунисты же все это уничтожили, задушили — [illegible] ныне реакция, школа для фашизма, для [illegible] агии, поэтому позорно для сознательного трудящегося быть ныне коммунистом.

Да здравствует свободная трудовая рабоче-крестьянская Россия.

ОТЧЕТЫ

МОНТРЕАЛЬ, Канада

Союз Российских Тружеников посылает в ваше распоряжение нижеследующие деньги: за проданные №№ „Д. Т.“ — 1.70, за брошюры — 2.00, за лотерейные билеты — 2.00, на „Д. Т.“ собрано по подписному листу № 2 — 3.30. Всего — 9.00. По подписному листу жертвовали следующие товарищи: М. Поротов, Ст. Коваль, Н. Гинн, М. Куба по 50 сент., Кир. Шчурко, Ив. Панесюк, Хтоев, К. Гинн по 25 сент., Ст. Шешко, П. Мисюра и М. Климович по 10 сентов.

С тов. приветом

Гр. Резанович.

КЛИВЕЛАНД, Огайо

По подписному листу № 61 собрано в Фонд журнала „Дело Труда“ — 4.00. Жертвовали: Е. С., Ф. Д., Ф. Г. и И. Волгин — все по доллару.

В ПОЛЬЗУ ССЫЛЬНОГО ТОВ. АНДРЕЯ АНДРЕЕВА.

Тов. Ольгой Моисеевой собрано специально для тов. Андрея Андреева — 5.00. Жертвовали следующие лица: И. Журавский — 0.50, Моисеевы — 0.30, Коварский, Сушов, Бачта, Жуков, и С. И. К. по 0.25. А. Фищук, Дихотько, Ф. Полен, Марч по 10 с. Ольга Моисеева — 2.55.

СТ.-ЛУИС, Мо.

Уважаемые товарищи, высылаю вам денежный перевод на сумму 10.80. Эта сумма составилась следующим образом:

За № 85 „Дела Труда“ — 1.80 и 9.00 за проданные вещи умершего тов. А. Онуф. Галоша. Тов. Галош завещал вырученные от продажи его вещей деньги передать в пользу политических заключенных в С.С.С.Р. и на „Д. Т.“

Вещи были куплены следующими лицами: Г. Антонович — 3.00, С. Тюшкевич — 1.00, А. Лукьянчук — 1.00, И. Комаровский — 1.00, Н. Климович — 1.00, Ф. Соловей — 1.00, М. Х—ня — 1.00. Всего 9.00.

С приветом *М. Хведченя.*

СОН РАЙЗ

Кооперативная колония.

Колония предлагает всем желающим вступить в ее состав или помочь ей в летних работах обращаться за справками по адресу „ДЕЛА ТРУДА“.

МОНТЕВИДЕО, Уругвай

ОТЧЕТ

По розыгрышу письменного стола в пользу журнала „Дело Труда“

Розыгрыш состоялся 31-го декабря 1934 г. ВЫИГРЫШНЫЙ № 571.

ПРИХОД: Продано билетов на 48 пез и 70 сант., за 25 брошюр „Анархизм“ — 1 пез. и 25 сант., за 35 брошюр „Мировая Грядущая Бойна“ — 1 пез. 75 сант., выручено от продажи „Д. Т.“ — 4.80, добровольные пожертвований в фонд „Д. Т.“ от Д. Елака — 2.00, М. Захарец — 1.00, С. Полуянов — 1.00, С. Антонов — 0.57. Всего: 61.07.

РАСХОД: Уплачено за письменный стол — 7.00, за печатание билетов на испанском языке — 2.50. Пересылка денег в Чикаго — 1.57. Всего: 11.07.

ПРИХОД — 61.07. РАСХОД — 11.57. ОСТАТОК — 50 пез. Весь этот остаток выслан в ред. „Дела Труда“. На американские деньги 50 пез. во время отсылки были равны 20 дол. и 75 сентам.

На 1-е января 1935 г. в кассе осталось 0.20 сент.

Ревизионная Комиссия:

Николай Шимчук, Стефан Антонов, А. Лисица.

Отчет редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда“, № 85.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ: от тов. Коваленко, Детроит — 2.00, Филиппов, Канада — 1.00, Арсенюк, Вотербури — 3.00, группы Детроита — 7.00, группы Нью-Иорка — 5.00, группы Ст.-Луиса — 1.80, Прогрессивный Клуб, Чикаго — 3.40, Лазарев, Рочестер — 1.00. Всего — 24.20.

В ФОНД „ДЕЛО ТРУДА“: Н. Феденко, Бетлегем — 1.00, Ф. М., Эмбридж — 0.50, группы Нью-Иорка — 7.00, группы Ст.-Луиса — 4.50, Скобликов, Чикаго — 1.00, Луфаренко, Чикаго — 1.00, Володькин, Чикаго — 1.00 Всего — 16.00.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР: Ф. М., Эмбридж — 1.00, группа Ст.-Луиса — 4.50. Всего — 5.50.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: Арсенюк, Вотербури — 1.00, от группы Нью-Иорка, (за брошюру на английском языке „Большевизм“) — 3.00. Всего — 4.00.

РОЗЫГРИШНЫЕ БИЛЕТЫ: Прогрессивное Землячество, Филадельфия — 5.00,, группы Нью-Иорка — 3.00. Всего — 8.00.

НА МУЗЕЙ КРАПОТКИНА: Ф. М., Эмбридж — 0.50.

ИТОГО 58.20

ПЕРЕХОДНАЯ СУММА 25.72

ВСЕГО 83.92

РАСХОД:

Типография — 88.00, экспедиция журнала — 10.00, за перевод статей (Д. Страндину) — 6.50, сотрудникам (во Францию) — 6.00, в комитет по изданию дешевой литературы на русском языке — 1.00, в комитет по изданию литературы на анлийском языке — 3.00, в комитет по сбору средств на Музей Кропоткина — 0.50, расход фед. секретаря — 1.40, в комитет пом. полит. заключ. в СССР. — 5.50. Итоо — 121.90.

ОБЩИЙ ПРИХОД..................83.92

ОБЩИЙ РАСХОД.................. 121.90

ДЕФИЦИТ 39.98